

Восточный Архив

№ 17, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Восточный архив

Издается с 1998 г.

Редакционный совет

Р.Б. Рыбаков – председатель
В.И. Шеремет – зам. председателя
В.М. Алпатов
Д.Д. Васильев
Н.М. Емельянова
В.С. Мясников
О.Е. Непомнин
Р.Г. Пихоя
М.Р. Рыженков
А.Л. Рябинин
Т.А. Филиппова
А.Н. Хохлов
П.М. Шаститко
Т.Л. Шаумян

Редколлегия

В.И. Шеремет – главный редактор
В.В. Беляков – зам. главного редактора
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Д.Д. Васильев
И.В. Зайцев
А.Ш. Кадырбаев
М.Т. Кожкина

Художественное оформление

С.И. Потабенко

Верстка

Г.М. Абишева

Журнал издается
Институтом востоковедения РАН
и Обществом востоковедов РАН
103031, Москва, Рождественка, 12
Тел.: (495) 621-80-03
E-mail: ivran@orc.ru

Позиция редакции не обязательно
совпадает с мнениями авторов

При цитировании ссылка на журнал
«Восточный архив» обязательна

Подписано в печать _____
Объем 13,0 п. л. Тираж 300 экз.
Отпечатано в типографии Максимова
103031, Москва, Рождественка, 12

Цена в розницу договорная

© Институт востоковедения РАН
© Общество востоковедов РАН

Слово редактора	3
Хохлов А.Н. Гуманная акция России в отношении Китая в 1912 г.	4
Воловников В.Г. Дипломатия на службе науки. Обзор архивных источников	13
Зайцев И.В. Троицкий инцидент 1802 г. Эпизод из деятельности бухарской миссии в России	16
Шеремет В.И. Синоп – 1853. Новое прочтение	18
Лисицина Н.Н. Афганский эмир Абдуррахман-хан и англо-русское соперничество на Среднем Востоке	28
Николаева Л.Ю. Русские в восточной Бухаре	33
Курмансеитова А.Х. Издательская деятельность астраханских исламских обществ	36
Беляков В.В. Русские политэмигранты в Египте в начале XX века	46
Горячкин Г.В. Он был не только дипломатом. К 150-летию со дня рождения А.А. Смирнова	54
Пискунова А.П. Абиссинец на учебе в России. Из жизни видного государственного деятеля Эфиопии Текле Хауариата	66
Крылова Н.Л. «Хорошо иметь любимую женщину и преданного кота». Павел Булыгин в Абиссинии	70
Кадырбаев А.Ш. Письма, не дошедшие до адресата. Материалы РГВИА о панмонгольской идее барона Унгерна	84
Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. «Он хорошо разбирается в... проблеме». К истории написания М.Н. Роем тезисов по национально-колониальному вопросу для II конгресса Коминтерна	89

Наши юбиляры

Летописец отечественного востоковедения. К 85-летию П.М. Шаститко	99
Певец общины Индостана. К 75-летию Л.С. Алаева	100
От аспиранта до директора. К 70-летию Р.Б. Рыбакова	102

Oriental Archive

No. 17, 2008

CONTENTS

Editor's notes	3
KHOKHLOV, Alexander. Human action of Russia towards China in 1912	4
VOLOVNIKOV, Vladimir. Diplomacy at the service of science. A review of archive sources	13
ZAYTSEV, Ilya. An episode of the activity of Bukhara's mission in Russia in 1802	16
SHEREMET, Vitaliy. Sinop's battle: a new reading of the old sources	18
LISITSYNA, Natalya. Afghan Emir Abdurrahman-khan and Russian-British rivalry in the Central Asia	28
NIKOLAEVA, Lyudmila. Russians in Eastern Bukhara	33
KURMANSEITOVA, Aminat. Publication activity of Islamic societies in Astrakhan	36
BELYAKOV, Vladimir. Russian political emigrants in Egypt at the beginning of XX century	46
GORYACHKIN, Gennadiy. On 150-th anniversary of Russian envoy to Egypt Alexei Smirnov	54
PISKUNOVA, Alexandra. An Abyssinian in Russia. En episode from life of Ethiopian statesman Tekle Hauriat	66
KRYLOVA, Natalya. Russian poet Pavel Bulygin in Abyssinia	70
KADIRBAEV, Alexander. New archive documents on Pan-Mongolian project of Baron Ungern	84
KHEIFETS, Victor and Lazar. Indian radical politician M.N. Roy: a path to the Communist International	89

Jubilees

85 th anniversary of Prof. Pyotr Shastitko	99
75 th anniversary of Prof. Leonid Alaev	100
70 th anniversary of Prof. Rostislav Rybakov	102

Слово редактора

Уважаемые читатели «Восточного Архива»!

Номер журнала, который вы держите в руках, отличается несколькими особенностями. Прежде всего то, что его выпуск приурочен к международной встрече специалистов по архивному востоковедению. Как поддисциплина традиционной ориенталистики архивное востоковедение заявило о себе в «планетарном масштабе» на заседаниях ИКАНАС-37 в Москве, на всероссийском уровне – на четырех съездах Общества востоковедов. Напоминает о себе регулярными (1-й – 17-й) выпусками «Восточного Архива».

Редколлегия и редсовет не стали насыщать данный выпуск специальными материалами по объединяющей нас проблематике – «архивы и востоковеды». По итогам встречи тех, кому близки наши проблемы, мы предполагаем подготовить специальный выпуск журнала.

Выпуск настоящий, 17-й, предлагает географию авторов и проблем, соответствующую базовым принципам архивного востоковедения. Для него прислали статьи специалисты со всей России (от Санкт-Петербурга до Северного Кавказа), а также из-за рубежа. Адекватен охват проблем. Завершение Года Китая в России отмечено статьей А.Н. Хохлова, рассказывающей о том, как в трудную минуту русские выручили сотни китайцев. Работающий ныне в Германии В.Г. Воловников предложил обобщенный взгляд на отечественные архивы в контексте задач дипломатического ведомства. Ваш покорный слуга представил архивные материалы русской военной разведки, позволяющие увидеть по-новому, казалось бы, всем известное «дело при Синопе 1853 года». Неожиданными, вероятно, будут и материалы о латиноамериканском периоде восхождения индийского радикала М. Роя, обнаруженные Л.С. и В.Л. Хейфецами.

Все шире журнал представляет читателю проблемы Африки, причем не только Северной. Наряду с блестящим специалистом по гендерным проблемам Н.Л. Крыловой в этом номере журнала дебютирует молодая исследовательница истории Эфиопии А.Ю. Пискунова, чьи далекие предки родом из «земель абиссинских». Неизменной элегантностью пера и глубокой содержательностью отмечены материалы отцов-основателей нашей поддисциплины: В.В. Белякова, коему рукоплещем по поводу защиты докторской диссертации; А.Ш. Кадырбаева, представлявшего журнал на серии международных конференций; И.В. Зайцева, чьим научным рдением и отеческим попечением технических проблем продвигается журнал.

Трудолюбию коллектива журнала позавидует любая пчела – из номера в номер мы вносим лепту в создание корпуса документов из отечественных архивов по истории Центральной Азии. В нынешнем номере эту тему затрагивают Н.Н. Лисицына, возвращенная на идеях архивного востоковедения от застенчивой дипломницы до элегантной и уверенной «мадам декан», а также наша трудолюбивая соотечественница из Душанбе Л.Ю. Николаева – новое лицо в журнале.

Наконец, еще одна особенность выпуска – обилие приветствий юбилярам. Живые легенды российского востоковедения, да продлит Всевышний годы их творческого долголетия, – П.М. Шаститко (85 лет), Л.Б. Алаев (75 лет) и Р.Б. Рыбаков (70 лет) – отметили очередные круглые даты в своей жизни. Мы, их коллеги и почитатели, сердечно поздравляем их на страницах журнала.

Ну, вот, кажется, и все.

Да, чуть не забыл! В этом году «Восточному архиву» исполняется 10 лет. Поздравляю авторов и читателей с первым юбилеем журнала! Молитва вам и привет, дорогие!

В.И. Шеремет

А.Н. Хохлов (ИБ РАН)

ГУМАННАЯ АКЦИЯ РОССИИ В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ В 1912 г.

Неизвестный эпизод в истории русско-китайских отношений

В архивных и опубликованных материалах по истории русско-китайских отношений можно найти немало ярких фактов оказания китайскому населению Цинской империи помощи со стороны россиян в спасении утопающих, ликвидации пожаров, опасных для жизни людей эпидемий и других бедствий. Для примера укажем на приводимое ниже сообщение газеты «Московские ведомости» от 5/17 февраля 1900 г.: «Три года тому назад крейсер Добровольного флота “Нижний Новгород” встретил во время сильного шторма в Китайском море погибавшую китайскую джонку. После неимоверных усилий и с опасностью для собственной жизни экипаж “Нижнего Новгорода” спас всех находившихся на джонке китайцев и доставил их в ближайший порт. На днях китайское посольство в С.-Петербурге препроводило через МИД [России] Комитету Добровольного флота ордена Дракона разных классов [степеней], пожалованные богдоханом командиру и офицерам “Нижнего Новгорода”».

Среди других примеров проявления россиянами гуманного отношения к китайскому народу особого внимания заслуживает предлагаемый ниже сюжет, связанный со спасением более 600 китайских подданных, ставших заложниками в силу драматических событий в Западной Монголии в ходе Синьхайской революции 1911–1912 гг. в Китае.

Синьхайская революция, начавшаяся 10 октября 1911 г. в г. Учан (провинция Хубэй) победоносным восстанием новых войск против господства маньчжурской династии Цин (1644–1912), не могла не привести в движение народы национальных окраин Китая. В ноябре 1911 г. Монголия, находившаяся в составе Цинской империи с 1696 г., по инициативе ламаистского духовенства провозгласила независимость. О том, как произошло это важное историческое событие в жизни монгольского народа, сказано в нижеследующем письме, полученном кяхтинским пограничным комиссаром А.Д. Хитрово из Урги: «Утром 18 ноября Монголия с хутухтой во главе объявила себя независимой. Монгольские власти явились к маньчжурскому амбаню [правите-

лю Саньдо] и потребовали, чтобы в течение трех дней он убрался из города со всем своим штатом чиновников и за собственный счет, т. е. не по уртонам [почтовым станциям], как было раньше, а на наёмных подводах или на собственных верблюдах. В то же время на улицах города были расклеены объявления, что Монголия более не подчинена Китаю и управление перешло к Богдо-гэгэну и [монгольскому] амбаню-бэйсэ... Амбань [Саньдо] решил передать власть добровольно, а для ограждения собственной безопасности, своей семьи и чиновников прибегнул к защите русских властей и в тот же день покинул свой дворец... По ходатайству русских властей [российского консульства] монголы всё же дали ему на проезд 126 уртонных [почтовых] лошадей, и в назначенный срок он под конвоем русских казаков выехал [из Урги] в Кяхту»¹.

Провозглашение Монголией своей независимости вызвало широкое движение в пользу своей самостоятельности среди монголов, населявших соседние с Халхой районы Китая, ставшие в начале XX в. объектом усиленной китайской колонизации, сопровождавшейся порой ассимиляцией коренного населения. Для подавления этого массового движения правительство Юань Ши-кая, пришедшее к власти на гребне борьбы с республиканцами в ходе Синьхайской революции, приняло самые энергичные меры, включая военные, которые в ходе их реализации нередко сопровождались небывалой жестокостью и актами вандализма. Об этом сообщали многие газеты, выходившие на Дальнем Востоке. Так, харбинская газета «Восток» 26 августа/8 сентября 1912 г. сообщала: «В княжестве Чжасакту по приказанию китайских властей устроена охота на мирных жителей — монголов. Китайцы устраивают засады по дорогам, выжидают приближения монголов, едущих по делам в города и местечки [другие населенные пункты], убивают их, а арбы, лошадей и груз захватывают».

28 августа/10 сентября 1912 г. та же харбинская газета, говоря о насилиях и издевательствах, чинимых китайской военщиной над населением Внутренней Монголии, при-

водила такой факт, имевший место в Хоросе: «Солдаты облили монгола ханшином [кит. спиртом], подожгли его платье и, когда обезумевший монгол бросился бежать, открыли по нему огонь».

Подобные сообщения, приходившие в российскую столицу, не могли не вызывать возмущение и осуждение среди представителей наиболее прогрессивной части русского общества. Так, бурят Ринчино Доржи, обучавшийся в то время в С.-Петербургском университете, касаясь бесчинств, творимых китайскими войсками на территории Внутренней Монголии, в статье, обращенной к сибирской интеллигенции, в частности, указывал: «Сибирское общество (не так давно) было осведомлено дальневосточными газетами и телеграфным агентством о тех диких и безобразных зверствах, ...произведенных регулярными войсками республиканского Китая над беззащитным мирным населением княжества Чжасакту Восточной Монголии».

Очевидно, корреспонденты дальневосточных газет («Новая жизнь» и др.) сообщали об инквизиционных пытках «огнём и водою», которым были преданы без различия [пола и возраста] и мужчины, и женщины, и дети. С дьявольским терпением и утонченной жестокостью озверелые китайцы [солдаты и офицеры] обливали монголов холодной водой на открытом воздухе, пока те не превращались в ледяные столбы и потом они этих несчастных оттаивали на кострах и поджаривали... Женщины подвергались гнусным насилиям и затем заживо сжигались в юртах. Между прочим, жертвою злодейств [этих] китайцев [стала] и погибла 11-тилетняя прелестная малютка – дочь монгольского князя Удая»².

О репрессивных мерах республиканского Китая в отношении монголов, заявлявших о своей солидарности с независимой Халхой, сообщали в Петербург не только представители российской печати, но и официальные лица, в том числе находившиеся на службе КВЖД. Подобные меры не могли не вызывать беспокойство и в правительственных сферах России, тем более, что российское правительство после провозглашения Халхой (Внешней, или Северной Монголией) своей независимости заявило о своей поддержке нового режима в Монголии. Чтобы детально не излагать точку зрения на монгольский вопрос министра иностранных дел С.Д. Сазонова, ограничимся заявлением наиболее популярной и осведомленной столичной газеты «Новое вре-

мя». Еще 3/16 января 1912 г. эта газета, излагая взгляды российского правительства, подчеркивала: «*Российское имп. правительство не желает ни присоединения Монголии к своим владениям, ни установления протектората* (здесь и далее курсив мой. – А.Х.). В этом отношении оно ни на йоту не расходится с русским общественным мнением. Монголия как русская провинция нам не нужна. Но Монголия, свободная и независимая, для нас желательна. *Истинная задача русской политики заключается именно в поддержке Монголии свободной и независимой*»³.

Особенно волновали россиян, в т. ч. сотрудников внешнеполитического ведомства, события, разыгравшиеся в Западной Монголии, где борьба противостоящих сторон (монголов Халхи с приверженцами старого цинского режима) приняла исключительно острый характер из-за обладания городом Кобдо. Этот город отчаянно оборонял засевший в крепости старый гарнизон, состоявший из маньчжур и китайцев, связанных клятвой верности маньчжурской династии Цин.

О том, как монгольским войскам удалось сломить сопротивление гарнизона Кобдо⁴, позволяет судить выписка из донесения российского консула Кузминского, который 27 августа 1912 г. сообщал из этого города: «Монгольские власти отправили в крепость через пленного китайца ультиматум сдать город и крепость в течение трех дней под угрозой штурма... Как и на предыдущие свои предложения монгольские власти не получили из города <...> никакого ответа. Поэтому в ночь с 6-го на 7-е августа монгольские войска, насчитывавшие в своем составе более 2500 чел., перед рассветом двинулись штурмовыми колоннами на город... Город и крепость, опоясанные рвом и окопами, открыли очень сильный, хотя и не причинявший большого вреда огонь из пушек и винтовок... Сперва монголам удалось войти в город, здания в котором, откуда раздавались выстрелы оборонявшихся, <...> немедленно поджигались... В городе не уцелела ни одна [торговая] лавка. Даже лавки и [жилые] помещения русских купцов подверглись общей участи [грабежу и погрому], несмотря на старания [некоторых] монгольских начальников отстоять их.

К 7-ми часам утра крепость выкинула белый флаг и прекратила стрельбу, заявив монголам о своем согласии сдаться, если в судьбе китайцев примет участие русский консул. *Пропущенная монголами депутация китай-*

ских чиновников, глубоко извиняясь за случай обстрела [российского консульского флага 2-го августа], происшедший якобы по ошибке, просила содействовать прекращению кровопролития и отправлению [представителей] китайских властей и [воинов] гарнизона на родину через Россию. Обещав сделать возможное для облегчения их участи, консул заявил, что этот вопрос после инцидента с обстрелом не может быть решен им без получения указаний [от] имп. правительства.

8-го числа произошла капитуляция крепости. При взятии города и капитуляции крепости монголам досталось 12 пушек, 280 винтовок, около 500 ружей старинного [китайского] образца, склады пороха и провианта.

Потери китайцев [составили] около 200 чел. Убытки китайских купцов — огромные. Потери российских купцов выясняются особою комиссией... Порядка и управления городом монголы до сих пор никак не могут наладить, будучи заняты пререканиями о старшинстве, особенно после приезда сюда из Урги — уже по взятии Кобдо — известного своим беспокойным характером товарища министра внутренних дел Хайсан-гуна»⁵.

Материальный ущерб, нанесенный штурмом г. Кобдо монгольскими войсками, оказался настолько велик, что даже возник вопрос о возможности перенесения города в другое место и соответственно его учреждений, в том числе российского консульства. Об этом сообщал в Ургу и в 1-й Департамент МИД российский консул В. Люба в нижеследующей телеграмме из Кош-Агача от 15 апреля 1913 г.: «Среди груды развалин, в которые монголами превращен некогда цветущий и красивый городок, в нескольких уцелевших домах ютятся наше консульство с 58 казаками охранного отряда, [а также] 15 русских доверенных и служащих бийских торговцев, до полусотни бездомных и безработных китайцев и три сарта. В ближайших окрестностях Кобдо монголов вовсе не имеется, за исключением 10–12 лам, проживающих в двух верстах от города. В прилегающих к Кобдо окопах и рвах, опоясывавших город во время осады, в нескольких китайских кумирнях, а также в некоторых дворах — в центре самого города находится более 600 трупов китайцев, убитых при осаде и взятии монголами Кобдо и лишь слегка засыпанных землей. Кругом всего города на десяток верст валяются трупы лошадей, верблюдов и собак»⁶.

Так выглядел г. Кобдо через 8 месяцев после его штурма, в результате которого несколько сотен местных китайцев, включая чиновников и многих торговцев, оказались под угрозой физического уничтожения со стороны победителей, жаждавших мести из-за злодеяний китайской военщины, руководимой Юань Ши-каем.

Когда в Петербурге стало известно, что в результате овладения монгольскими войсками г. Кобдо (в западной части Монголии) в плену оказались несколько сот китайских подданных во главе с прежним правителем-амбаном, российское Министерство иностранных дел, опасаясь ответной мести монголов за бесчинства китайской военщины, поручило хорунжему Сидорову с группой казаков освободить заложников и отправить их через российские владения в Маньчжурию, чтобы передать их тамошним властям. О том, как китайские подданные, которым грозила суровая расправа, были эвакуированы из Кобдо на русский Алтай, в г. Бийск, а затем этапированы в Ново-Николаевск (ныне Новосибирск), откуда они могли доехать железной дорогой до Маньчжурии, подробно рассказывает хорунжий Сидоров в своем донесении от 20 ноября 1912 г. в 1-й Департамент МИД России, текст которого с некоторыми сокращениями публикуется ниже:

«Приняв в свое ведение находившихся при мне китайских подданных, я вывел их из г. Кобдо двумя эшелонами 2-го и 4-го сентября.

Кобдоский амбань Пу-Жун выехал в составе 2-ой партии 4-го сентября. Исключая экипаж амбана и двух верблюдов, нагруженных принадлежащими ему вещами, никаких вьючных животных при партии не было. Все люди партии, не исключая и чиновников, шли пешком и несли на себе необходимый в пути багаж и теплое платье. Двигались люди с большим трудом; некоторые падали от недостатка сил, т. к. большая часть партии состояла из солдат, выступивших в поход прямо из тюрьмы и содержавшихся там в весьма тяжелых условиях.

Так как дальнейшее [про]движение партии требовало организации и сбора перевозочных средств, необходимо было довести партию до реки Кобдо, протекавшей в 50 верстах от города Кобдо и представлявшей собою [важную] жизненную артерию Кобдоского района. Только здесь, на р. Кобдо, можно было предпринять розыски [относительно] верблюдов и продовольственного скота, необходимых для нужд [наших] партий.

Имея в виду неприязненное и даже [порой] враждебное отношение монголов к побежденному врагу, каковым являлись вверенные моему попечению китайцы, мне предстояла трудная задача в организации движения партий, для чего было необходимо прежде всего перебросить всю массу людей на правый берег реки Кобдо, полноводной и быстрой и в весьма немногих местах доступной для конного брода.

Направляясь к пункту лодочной переправы через реку Кобдо, я далеко не был уверен в готовности монголов переправить на другой берег массу людей [обеих] партий и даже имел сведения о негласном распоряжении уничтожить лодки и тем самым отнять у нас возможность переправы. По слухам, подобное распоряжение было дано от [одного влиятельного] ламы — Дамбы-Джамсына, который находился в то время в явной оппозиции ко всей коалиции монгольских князей Кобдоского округа, соглашавшихся на отправление китайцев [домой] пределами России. Не придавая особого значения подобным известиям, я продолжал движение к переправе через р. Кобдо, каковой и достиг 6-го сентября. После некоторых препирательств монголы-перевозчики принялись за перевозку партий и переплавляли таковые непрерывно в течение 15-ти часов.

Паромная переправа через р. Кобдо организована первобытным способом и представляется из себя не более как две колоды, [вы]долбленные из толстых стволов дерева и связанные [между собой] двумя перекадинами. Управление подобным паромом при быстром течении требует особого навыка и умения, но тем не менее монголы отлично справляются с переправой.

Немало хлопот и затруднений представила переправа [людей], т. к. почти вся масса китайцев, как только паром приставал к берегу, устремлялась со своими вещами на утлые лодки, и лишь при дружной работе нижних чинов [нашего] конвоя удавалось сохранить хотя [бы] некоторый порядок и тем избежать несчастных случаев от переполнения лодок людьми, торопившимися переправиться на безопасный, как им казалось, правый берег р. Кобдо. Немедленно же по переправе через реку, [вся] партия [людей] была остановлена, и я выехал для сбора верблюдов, необходимых [каждой] партии для [последующей] перевозки грузов.

Исчисляя груз багажа каждого человека партии в размере около двух пудов и заботясь

прежде всего поднять груз и тем самым дать возможность людям, хотя бы и пешком, но всё же двигаться вперед, я поставил себе задачей найти 120 верблюдов для доставки [всего] груза до Кош-Агача. Задача эта оказалась очень трудной и её удалось разрешить не сразу, [при этом] в это же время я получил от г-на имп. русского консула из Кобдо самые тревожные известия с предложением принять самые энергичные меры для немедленного движения к пределам России ввиду усилившегося брожения среди монгольских масс, сосредоточенных под Кобдо.

При найме верблюдов мне пришлось встретиться с неблагоприятными условиями, затруднявшими успех найма, причем монголы или отказывались наотрез без объяснения причин, или указывали на несвоевременность найма ввиду трудности работы верблюдов при [нынешней], хотя и теплой, погоде, что было действительно справедливо, т. к. обычный период работы верблюдов наступает в октябре, или же [монголы] высказывали опасения, что китайцы, сосредоточенные в [такой] массе, могут свести с монголами, проводниками верблюдов, свои счёты. Кроме того, немалым препятствием служила для монголов, даже [по]желавших идти с нами, медленность нашего движения, неизбежная при наличии пеших людей. Во избежание потерь людьми я должен был идти окружным путем, избегая безводных пространств, лежащих на обычных караванных путях, легко доступных для лошадей и верблюдов, но пагубных для пеших людей, редких [гостей] для степи.

После нескольких дней поисков некоторое количество верблюдов было найдено, и караван получил возможность, хотя и с трудом, но всё же двинуться вперед, не удаляясь, впрочем, от р. Кобдо, т. к. отдалившись от этой в полном смысле артерии Кобдоского района, я рисковал очутиться в безвыходном положении, ибо путь наш лежал чрез малонаселенные пространства и что не было найдено на р. Кобдо, того уже нельзя было найти в дальнейшем. Наконец мне все же удалось найти 100 верблюдов по сравнительно высокой цене, а именно по 13 руб. 50 коп., с обязательством везти груз (вещи и теплое платье китайцев) до Кош-Агача. Обычно же за эту цену везут груз до селения Онгудай, т. е. на 250 верст дальше Кош-Агача. Означенное число верблюдов дало нам возможность поднять большую часть груза китайцев, [причем] впоследствии число верблюдов несколько увеличилось и окончательно

выразилось в цифре 150, с каковым числом выючных животных я и достиг государственной [русско-китайской] границы.

Весь путь от Кобдо до Кош-Агача люди партии шли пешком. Амбань Пу-Жун, выехавший из Кобдо в фудутунке [китайском двухколесном возке], вынужден был, по моей просьбе, отказаться от этого громоздкого, неудобного и тяжелого экипажа, который и был заменен обыкновенной русской повозкой, приобретенной у одного из русских торговцев. В повозку амбана был запряжен верблюд, которого вел на поводу один китаец из свиты амбана.

Для некоторых чиновников, ввиду невозможности по состоянию здоровья следовать пешком, были наняты верховые лошади. Некоторые из китайцев складывали деньги [вскладчину] и покупали одну лошадь, реже верблюда, на двоих, иногда троих и даже на четверых [лиц], которые и ехали [на них] по очереди. Так как животные эти несли непомерную тяжесть и обыкновенно были уже хилы и стары, то вследствие этого они не выдерживали трудностей пути и [порой] падали на дороге.

Жаркая погода и некоторый недостаток воды и корма пагубно отзывались и на лошадях конвоя, из числа которых пало [четыре] коня. Кроме того, у возчиков-монголов пало три верблюда, и потеря этих ценных для них животных [так] угнетающе повлияла на них, [что] много слов и убеждений пришлось потратить для того, чтобы заставить их отказаться от намерения оставить меня, оставив заботу о своих деньгах, что для меня и, разумеется, конечно, и для партии было равносильно гибели.

Принимая во внимание склонность китайцев к муке, [следует сказать, что] продовольственный вопрос в эшелоне стоял остро, т. к. запас муки был весьма невелик — около 100 пудов на партию, а впереди [нам] предстоял переход [длиною] около 500 верст до русской границы, да и там, по [некоторым] сведениям, муки не было. Вследствие этого я был вынужден соблюдать полную, доходившую до максимальных размеров экономию в муке, т. к. опасался остаться без этого, необходимого в китайском обиходе продукта. Дополнительно [к] 100 пудам муки я имел несколько ящиков “гоми” (китайской вермишели), которую расходовал столь же экономно.

Подробно останавливаясь на этом ввиду возможных на меня нареканий за скудное до-

вольствие людей, но повторяю, что исключительные условия передвижения вынуждали меня [постоянно] иметь в виду конечную цель [поставленной передо мной] задачи, не останавливаясь [для ее выполнения] перед трудностями и лишениями.

Закупая по дороге возможно большее количество крупного скота, я двигался к пределам России, надеясь провести продовольственный скот беспрепятственно через границу, полагая, что этот скот не будет задержан ветеринарно-санитарным надзором.

Имея некоторое количество скота, купленного в Монголии, я, купив его сравнительно дешево, мог соблюсти значительную экономию, и ввиду этого предложение ветеринарно-санитарного надзора задержать упомянутый скот на границе в течение 21 дня могло поставить меня в весьма затруднительное положение, т. к. скот этот, сокращавший денежные расходы при движении партии, при остановке из-за него становился для меня дорогим стоящим балластом.

Выход из положения был найден в том, что 60 голов скота было перебито на линии 50-верстной [приграничной] полосы и, согласно разрешению ветеринарного участкового врача, [битый] скот в виде мяса был отправлен вперед для организации движения партии вперед из Кош-Агача на Бийск. Разрешить этот вопрос представилось [тем более] возможным вследствие наступивших холодов, но в то же время значительным неудобством явилась необходимость отдать подводы для перевозки мяса, в результате часть людей, имевшая возможность ехать, пошла пешком.

Денежные затруднения, встреченные мною в Кош-Агаче, уже известны Вашему Превосходительству из телеграмм моих за №№ 12 и 17, и в настоящее время, пройдя уже труднейшую часть пути, докладываю, что в Кош-Агаче я встретился с непомерно высокими ценами, вызванными широким размахом только что проехавших через Кош-Агач, бежавших из Монголии китайских купцов, которые по незнанию местных цен платили в буквальном смысле слова бешеные деньги за проезд до Бийска.

Местные подрядчики и возчики, полагая, что движущая партия [китайских подданных] обогатит их ввиду своей многочисленности, предложили мне подводы с уплатой до Бийска по 50 руб. за человека, т. е., полагая трех человек на подводу, запросили по 150 руб. (с каждой). Разумеется, цены эти далеки от дей-

ствительных, но мне всё же пришлось считаться с высоким уровнем цен на перевозочные средства, каковые приходилось выписывать за 200 и более верст из первых русских селений: Онгудая и Шабалино, лежащих по Чуйскому тракту.

Достигнув Кош-Агача 27 сентября, я прежде всего задался вопросом, могу ли поспеть в г. Бийск до окончания навигации по р. Оби, по которой я мог бы, зафрахтовав одну или две баржи, на буксире сплавить всю партию до станции Ново-Николаевск. Пароходство Мельниковых, запрошенное мною о приблизительном сроке окончания навигации, сообщило, что навигация по Оби закончится не позже 5-го октября. Так как к 5-ому октября попасть в Бийск было для меня невозможно, то пришлось иметь в виду организацию движения из Кош-Агача до Бийска грунтовыми путями, т. е. на расстоянии 900 верст, считая от Кош-Агача до Бийска 500 верст и от Бийска до Ново-Николаевска около 400 верст.

Условия передвижения в значительной мере ухудшились вследствие [наступивших] морозов и выпавшего снега. Неимение китайцами теплой и прочной обуви при их национальном головном уборе, мало пригодном для зимы, сильные ветры, господствовавшие в это время года, — всё это создавало весьма тяжелую обстановку, при которой и был пройден путь от Кош-Агача до селения Онгудай, первого значительного пункта, лежащего на моём пути к Бийску на расстоянии 250 верст от Кош-Агача. Высокие горные перевалы, трудные спуски и подъёмы, головоломные пути горного хребта центральной части Алтайских гор, так наз. Чуйский тракт, несколько истощили силы людей, и потому я был вынужден дать [всей] партии отдых в селе Онгудай, где, ввиду получения известий от Вашего Превосходительства, я счел себя вправе нанять еще некоторое число подвод. Но опять-таки ввиду высоких цен [мне не удалось] посадить всех людей на подводы, и часть таковых (около 160 чел.) выступила из Онгудая пешком.

В селении Онгудай имеется участковая правительственная (казенная. — А.Х.) больница, куда я обратился за содействием по оказанию медицинской помощи вверенной мне партии [китайских подданных]. Заразных больных обнаружено не было, а нуждавшимся в помощи было дано пособие. Заведующий больницей участковый врач г-н Глущенко по моей просьбе представил в мое распоряжение

одного фельдшера, который и сопровождал меня до г. Бийска.

От Онгудая до г. Бийска путь пролегает по равнинам и на пути находятся значительные селения с населением до 10 тыс. душ и более. Таковы села Черга, Шабалино, Алтайское и Смоленское. На перегоне Онгудай — Бийск я был вынужден ввиду морозов расквартировать партию по домам обывателей при содействии уездной полиции... Я опасался пожаров, весьма возможных при неосторожном обращении китайцев с огнем и при их неумении обращаться с ним в деревянных, [по]крытых соломою домах [из-за] привычки китайцев с детства к глиняным строениям. Кроме того, наивная доверчивость китайцев вызывала у меня опасение за целостность их имущества, которое они не умели [надлежащим образом] хранить и беречь...

Наше следование по русским селениям в период осенних праздников, рекрутского набора и ярмарок требовало напряженной работы [нашего] конвоя по охране порядка, [поэтому] подчас приходилось принимать самые крутые меры против хулиганов... В большинстве случаев я ограничивался отправлением подобного рода лиц под арест, но в селе Медведском ввиду исключительных обстоятельств я потребовал составления протокола и передал дело полиции, о чем доношу особо.

На перегоне между Онгудаем и Бийском в [нашей] партии было два смертных случая: скончались китайцы, страдавшие, по свидетельству фельдшера, хроническими формами легочных заболеваний. С соблюдением законных формальностей покойные предавались погребению, о чем составлялись мною [соответствующие] акты.

В город Бийск [наша] партия вступила 1-го ноября и сосредоточенно [компактно] расквартировалась в двух местах, а именно в городском здании училища и в доме местного коммерсанта г-на Осипова. Дом г-на Осипова, по своим размерам весьма удобный для размещения [большой группы людей], был уступлен вследствие просьбы торгового старшины в г. Кобдо г-на Грехова лишь в день прибытия [нашей] партии, за полчаса до [её] размещения, а потому оказался не отопленным... В случае [получения отказа] мною было подготовлено помещение в здании бывшего синематографа, но с платою по 25 руб. в сутки. Останавливаясь на этом обстоятельстве специально, т. к. таковое отмечено в бийской печати⁷.

В г. Бийске были наняты подводы по 13 руб. и частью по 14 руб. до г. Ново-Николаевска с расчетом посадки всей партии [китайских подданных] на подводы. При квартировании в Бийске местными коммерсантами, ведущими торговлю с монголами, направлялись людям вверенной мне партии пожертвования, состоявшие главным образом из мяса и хлеба и раздававшиеся ими лично. Супругой местного купца Разумника Ивановича Кузнецова, Марией Алексеевной Кузнецовой, было пожертвовано для нужд партии до 100 пар теплой валеной обуви, около 160 пудов мяса и до 300 пудов хлеба. Ввиду столь широкой благотворительности г-жи Кузнецовой я счел своим долгом благодарить её письмом, копия которого прилагается...

По прибытии в Бийск я сдал в городскую больницу четырех китайцев, из которых один [вскоре] скончался, а трое остались на излечение, о чем доношу особо. Все остальные китайцы эшелона, нуждавшиеся в медицинской помощи, были освидетельствованы врачами, приглашенными торгующими в Монголии местными купцами, и, получив [медицинское] пособие, остались при нашей партии. На место выбывшего фельдшера Онгудайской участковой больницы мною ввиду недостатка в г. Бийске правительственных фельдшеров был найден вольнонаёмный, каковой и сопровождал [нашу] партию до г. Ново-Николаевска. Городской врач Бийска, произведя осмотр людей всей партии, уведомил меня, что заразных болезней в партии не обнаружено.

Происшествий особо важного характера за время следования нашей партии не было... при каждой возможности я, пользуясь случаем, разъяснял своим людям, [китайцам], необходимые правила, обеспечивающие порядок, необходимый в столь значительной массе людей, и вместе с тем предостерегал от дурных поступков, могущих навлечь на подданных Китая [недовольство] со стороны жителей сел и городов, в каковых нам приходилось останавливаться...

Для подготовки к размещению партии в г. Ново-Николаевске мною были сделаны соответствующие запросы в отношении подлежащих железнодорожных и полицейских властей. В видах большего удобства и необходимости хотя бы несколько обучить людей посадке и следованию в вагонах, я просил железную дорогу предоставить мне пустующие вагоны, поставив таковые на запасный путь, но таковое ходатайство мое было отклонено... По

извещении [о том] полицмейстера г. Ново-Николаевска для меня были приготовлены в городе квартиры, в коих я и размещу свою партию...

В 12 час. дня вся партия на 190 лошадях отправилась из Бийска на Ново-Николаевск. В Бийске было оставлено четверо больных китайцев. Их отправили в больницу, но их одежда оказалась в таком виде, что городской врач был вынужден сейчас же просить городскую управу об ассигновании денег для покупки им [нательного и другого] белья, но так как управа на сей предмет не нашла возможным произвести затраты, то опять пришлось прибегнуть к пожертвованиям»⁸.

О нелегком путешествии китайских подданных из Кош-Агача (на границе с Китаем) до Бийска рассказала выходившая в этом городе газета «Алтай» в нижеследующей корреспонденции от 3/16 ноября 1912 г.: «Китайцы из Кош-Агача отправились 7 октября. Для перевозки багажа и слабых и больных китайцев было нанято 85 таратаек. Вся масса китайцев шла пешком, в таком виде они следовали до Онгудая. В Онгуде [было] нанято 210 подвод с условием вести по три человека на каждой подводе. Человек 120–130 шли пешком. Экипажами до Онгудая служили несколько таратаек, более всего дровни без отводина и несколько розвальней. Выехали из Онгудая 19 октября и в день проезжали по 20–35 верст. В [селах] Шебалино и Алтайское были дневки. Из Онгудая отряд сопровождала повозка Красного Креста с фельдшером.

До селения Черги китайцы ночевали в палатках, [а] после размещались в [домах] обывателей в деревнях.

Многие китайцы не имеют теплой одежды, особенно плоха обувь. «Сядет [китаец] на дровни, подожмет под себя ноги, склонит голову, – рассказывает один из ямщиков, – и сидит неподвижно. Думаешь, [что он] замерз, поднимешь его голову [и видишь] – нет, он еще жив». В селе Катунском, например, одного [китайца] поставили на квартиру; хозяин видит, что человек [этот] совсем не дышит, запряг лошадь [и] отвез его на квартиру к начальству, говоря, что он вовсе не хочет, чтобы у него в доме был покойник. [Китаец тем временем] отдышался ... Видели мы и китайца с обмороженными ногами и руками. Печальнее всего то, что китайцы [в большинстве своем] не знали, что их сопровождал фельдшер, к которому они могли обратиться за медицинской помощью».

Любопытные сведения о пребывании эвакуированных из Кобдо китайских подданных в г. Бийске приводит та же местная газета «Алтай» в нескольких номерах, позволяющих говорить не только об огромном внимании к ним и заботе местных жителей, но и о необычайном гостеприимстве сибиряков. Так, 2/15 ноября 1912 г. эта газета сообщала: «31 октября приехало около 700 китайцев из Кобдо с амбаном во главе, сопровождаемые [россиянином] хорунжим и 15 казаками. Амбань и некоторые видные и вместе с тем... более обеспеченные китайцы были размещены у лиц, ведущих торговлю с Монголией, — Асанова, Кузнецова, Васенёва, Горохова и пр. Тут им предоставлено, конечно, и теплое помещение, и горячая пища и пр. Простые же солдаты... плохо одетые, загнаны в количестве 400 чел. в [довольно] холодный, не отоплявшийся с лета дом Осипова, где прежде находилась гимназия. Около 6 час. вечера, когда уже стемнело, служащий А. Д. Васенёв увидел несколько китайцев, идущих к реке с котелками за водой. Зная монгольский язык, он, выспросив их, посоветовал им вернуться, т. к. ночью они, пожалуй, не найдут проруби, а сам доложил об этом [их] хозяину, который сейчас же отправил в дом Осипова бочку с водой, а служащего [купца Васенёва] командировал пойти и посмотреть, в каком положении находятся китайцы. [На поверку] оказалось: совершенно холодное помещение, дров нет, воды нет, выдано далеко не достаточное количество хлеба и больше ничего. *Китайцы одеты плохо, да и эта плохая одежда промокла от сырого снега, шедшего весь день.* А. Д. Васенёв отправил дров, доложил о бедственном положении китайцев [купцам] Асанову и Кузнецову. Послано было за хлебом и за мясом, только благодаря этому китайцы на этот раз не остались голодными и холодными».

В другой газетной корреспонденции (подписанной инициалами «М.К.» под названием «К приезду китайцев»), опубликованной 6/19 ноября 1912 г., сообщалось: «В субботу 3-го октября помощник бийского уездного исправника, местный воинский начальник и городской врач посетили китайцев, квартировавших в домах Осипова, Зотеева, Ивановой. К приезду означенных лиц китайцам было приказано прибрать свои лохмотья, подмести в комнатах и привести себя в опрятный вид. Все китайцы стояли на ногах в тех комнатах, где они помещались. При входе [местных] начальников многие вставали на колени, что по

ихнему обычаю принято у них при встрече начальства.

Сопровождавший китайцев казачий офицер [Сидоров] указывал на “бодрый дух китайцев, несмотря на трудности пути, перенесенные ими”. Фельдшер, сопровождавший партию [эвакуируемых], докладывал врачу, что больных нет, а у кого есть “легкие обморожения” — тем сделана перевязка».

Касаясь перехода группы китайцев-беженцев от Онгудая до Бийска, автор той же корреспонденции (М.К.) на основе рассказов очевидцев отмечал: «Отсюда [от Онгудая] итти стало легче. Больных везли, оказывали им хотя и слабую помощь. *Крестьяне встречали дружелюбно, а бабы целыми возами вывозили на стоянки печеный хлеб.* “Здесь мы увидели, — сказал один [китайский] чиновник, — что есть “люди с душой”. В Бийске мы наелись, отдохнули и согрелись. Все эти дни нам привозили мясо, хлеб, чай. Что нас ожидает далее — никто из нас не имеет представления, а также и о том, что происходит в нашем отечестве. Скоро будет год, как мы не имеем никаких сведений с родины, от правительства”».

По прибытии (по КВЖД) партии эвакуированных китайских подданных из Кобдо в Чанчунь их встретили там сотрудники российского консульства и местных китайских властей. Об этом хорунжий Сидоров 9 декабря 1912 г. со станции Куанчэнцзы сообщил нижеследующим текстом телеграммы вице-директору 1-го Департамента МИД: «Доношу Вашему Превосходительству, что вверенная мне партия благополучно прибыла 3 декабря в 9 час. вечера на ст. Куанчэнцзы КВЖД. Заботами и распоряжением г-на имп. российского консула в г. Куанчэнцзы [наша] партия на ст. Куанчэнцзы встречена была представителями властей со стороны России, а на ст. Чанчунь партию встретил местный военный даотай (бинбэйдао. — А.Х.) Мэнь Сянь-и в сопровождении чинов подведомственных ему учреждений.

Одновременно с сим г-н имп. российский консул командировал для встречи партии и для оказания мне содействия по ведению переговоров с китайскими властями состоящего при имп. консульстве коллежского регистратора г-на Кондакова.

По прибытии поезда на станцию Чанчунь я встречен был местным военным даотаем Мэнь Сянь-и, приветствовавшим меня и выразившим мне благодарность за заботы и труды при весьма тяжелых и неблагоприятных усло-

виях пути. В ответ на приветствие даотая я сообщил о своем желании, чтобы столь долгий путь подданных Китая чрез пределы России послужил новым связующим звеном в дружеских отношениях обоих [соседних] государств.

Передача людей [сопровождаемой мною] партии в ведение китайских властей состоялась там же на станции Чанчунь, причем никто из людей партии никаких жалоб и претензий не заявил. Ввиду сего о таковом их заявлении было занесено в акт, коим была оформлена передача людей [упомянутой] партии; каковой акт и был подписан и в подлиннике при сем мною представляется⁹.

Так закончилась беспрецедентная гуманитарная акция российского правительства в отношении республиканского Китая, связанная с освобождением из плена и вывозом из Кобдо в пределы Маньчжурии более 675 китайцев во главе с цинским амбанем.

После подписания русско-китайского протокола с представителями китайской администрации, возглавляемой военным даотаем юго-западной части провинции Цзилинь (Гирин) Мэнь Сянь-и, в присутствии начальника 3-го отделения полицейского надзора на КВЖД капитана Крылова, полицейского надзирателя станции Куанчэнцзы и переводчика В. Кондакова, хорунжий Сидоров 6 декабря 1912 г. отправил в Петербург, в 1-й Департамент МИД из Куанчэнцзы следующую телеграмму: «Китайцев сдал [в] ведение китайских властей. Сдача оформлена актом, подписанным властями двух государств. Претензий и жалоб нет»¹⁰. В тот же день телеграмма, полученная в Омске, была отправлена по назначению в российскую столицу, где с удовлетворением встретили весть о завершении гуманитарной акции по вызволению из плена в Кобдо нескольких сот китайцев путем вывоза на российскую территорию с последующей транспортировкой их по железной дороге и передачей властям Китайской Республики. Этот благородный акт, совершенный российским правительством в интересах Китая и Монголии, не мог не сказаться положительно на имидже России, которую некоторые китайские центральные и местные газеты без достаточных оснований обвиняли в желании присоединить к своим владениям Монголию, ставшую на путь независимости.

Примечания

¹ Подробнее см.: Хохлов А.Н. Монголия до и после провозглашения независимости в 1911 г. (по письмам очевидцев-россиян) // VII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1997 г.). Доклады российской делегации. М., 1997, с. 78–83.

² См.: «Алтай» (Бийск), № 238 (17 октября /9 ноября 1912 г.).

³ «Новое время», № 12863 (3/16 января 1912 г.).

⁴ В составе гарнизона в Кобдо находились не только местные регулярные солдаты (главным образом маньчжуры), но и бежавшие сюда из районов собственно Китая китайцы. Это видно из следующего сообщения газеты «Новое время» от 3/16 мая 1912 г.: «За последнее время [в связи с Синьхайской революцией] замечается усиленное бегство китайцев изнутри страны, причем большое количество [их] прибыло в Кобдо. Из трех сот китайцев, прибывших из Уланкомского округа [в Западной Монголии], почти все были зачислены по распоряжению местного амбана [правителя] в гарнизон, где они обучаются военному делу».

⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Китайский стол, оп. 491, 1912, д. 99, л. 305–306.

⁶ Там же, д. 639, л. 48.

⁷ Кроме амбана, в отдельных квартирах, как сообщает Сидоров, помещались лишь немногие и этим немногим жилось, конечно, далеко не лучше, чем тем, которые были помещены в пустых домах Осипова, Зотева, Ивановой. Бийские купцы Ассанов, Грехов и Постовалов, приютившие китайцев у себя, не только кормили их, но и отдали им теплую обувь. Вся масса в 700 чел. питалась преимущественно пожертвованиями, которые делали не только купцы, когда-то вершившие в Монголии с китайскими торговцами большие дела, но и совершенно посторонние лица. Так, Сабардиной удалось собрать по подписке более 100 руб., на которые она купила 30 пудов печеного хлеба и 10 пудов сухеш, при этом собрала несколько пар пимов — сибирских валенок.

В воскресенье М.А. Кузнецова привезла 50 пар пимов для раздачи наиболее нуждающимся. Отталкивая друг друга, китайцы бросились к пимам, стараясь первыми показать свои замотанные в тряпки ноги. Эти 50 пар далеко не удовлетворили всех нуждающихся в обуви. Пришлось ехать еще за таким же количеством. На этот раз китайцев пришлось построить в ряды. И тогда стал понятен ужас людей, которым предстояло пройти еще 12 дней до Ново-Николаевска, а ноги их в лучшем случае были обмотаны в разные тряпки, а порой всунуты в дырявые дамские ботинки или калоши.

⁸ АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 630, л. 33–39 (текст на бланке: «3-го Сибирского казачьего полка хорунжий Сидоров, состоящий в распоряжении МИД и командированный для сопровождения партии китайских подданных из Кобдо в Харбин»).

⁹ Там же, л. 61.

¹⁰ Там же, л. 71.

В.Г. Воловников
(Университет г. Бохум, Германия)

ДИПЛОМАТИЯ НА СЛУЖБЕ НАУКИ

Обзор архивных источников

Российское востоковедение во многом обязано своим рождением практическим потребностям государства. В становление и развитие этой науки в XVIII – начале XX в. внесли многосторонний вклад учреждения внешнеполитического ведомства России и их сотрудники.

Приступая к обзору источников по данной теме, следует отметить, что в основном это неопубликованные архивные материалы, хранящиеся в нескольких фондах Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и некоторых других архивов. Кроме того, существуют и издания источников, о которых будет сказано ниже.

В АВПРИ прежде всего представляют интерес следующие фонды, в которых отложились дела, связанные с Востоком (назовем их не в порядке их важности вообще, а важности для данной темы).

Фонд «Азиатский департамент»¹ содержит 6524 единицы хранения за 1813–1917 гг. (7 описей). Хотя центральной частью аппарата МИД была Канцелярия, очень важной была деятельность Азиатского департамента, имевшая комплексный характер, объединявшая дела политические, консульские, правовые, административные и кадровые. По сути дела, департамент представлял собой обособленное структурное подразделение. Помимо дел, относящихся собственно к взаимоотношениям со странами Востока, здесь хранятся, в частности, дела личного состава департамента по 1914 г. (это более полутора тысяч дел). В фонде Азиатского департамента находится и собрание вырезок из прессы по странам Востока².

Фонд «Учебное отделение восточных языков»³ вплотную примыкает к предыдущему. Он представляет, как кажется, наибольшую важность для изучения темы истории дипломатического востоковедения. Его ценность заключается в том, что это цельный, компактный, насчитывающий 326 единиц хранения, комплекс. Документы позволяют хорошо проследить практически всю историю возникновения и деятельности этого учебного заведе-

ния. Это первоначальные проекты его создания, докладные записки начальников Отделения, их переписка с руководством МИД, личные дела студентов и преподавателей, планы и расписания занятий, отчеты об экзаменах, сведения о финансах, наградах для студентов и преподавателей, о музее и библиотеке Отделения, в том числе каталоги восточных манускриптов и книг, рукописи сочинений студентов и т.п. Кроме того, содержатся дела, относящиеся к истории открытия и деятельности при Учебном отделении Офицерских курсов, выпускники которых служили на Востоке. В фонде отложились и многие другие материалы, дающие возможность историкам реконструировать деятельность Отделения по подготовке востоковедов почти за сто лет – в 1823–1917 гг.

Автору настоящей статьи посчастливилось в конце 1980-х годов во время участия в подготовке «Истории отечественного востоковедения»⁴ первому заниматься документами этого фонда. Были просмотрены все единицы хранения, что позволило произвести их комплексный анализ («Восточный архив» планирует ознакомить читателей с этой работой. – *Прим. ред.*)

Надо отметить, что еще в середине 1970-х и в 1980-х годах во многих архивах Советского Союза продолжали работать архивисты послевоенной эпохи, «старая гвардия». Такие специалисты работали тогда и в Архиве внешней политики России (АВПр, позже АВПРИ). Прекрасно зная свои фонды, они, в условиях недоступности для исследователей описей и картотек, старались представить им для изучения самые необходимые материалы. Это относилось не только к такому «понятному» фонду, как «Учебное отделение», но и к таким огромным, как «Санкт-Петербургский Главный архив», «Канцелярия министра иностранных дел» (куда стекалась вся важнейшая переписка) или «Департамент личного состава и хозяйственных дел».

Документы фонда «Азиатский департамент» продолжают материалы фонда «Библи-

отека Азиатского департамента»⁵. По ним можно проследить, как шло формирование библиотеки, в какие годы были приобретены те или иные книги и манускрипты, какие отпускались для этого средства. По каталогам можно определить, чем располагала библиотека. Далеко не все труды, переводные и оригинальные работы, путевые заметки и тому подобные издания российских дипломатов были опубликованы. Многие (предназначавшиеся для внутреннего пользования в МИД) остались в рукописном виде в библиотеке Азиатского департамента. В фонде «Планы и фото» среди прочего находятся фотографии и портреты сотрудников Азиатского департамента МИД, что представляет дополнительный интерес⁶.

Фонд «Департамент личного состава и хозяйственных дел» – это фонд подразделения, управлявшего финансово-казенной частью и ведавшего кадровыми делами, а также посольскими церквями. Это огромный, очень важный фонд, содержащий 25723 единицы хранения за 1750–1940 гг. и насчитывающий 40 описей. Здесь собраны, в частности, личные дела чиновников и документы о реорганизации МИД⁷.

Фонд «Административные дела». Огромный фонд за 1762, 1790–1832 гг., насчитывающий более 36 с половиной тысяч дел (117 описей), которые позволяют реконструировать устройство, структуру ведомства и функции его отдельных подразделений⁸.

Фонд «Коллекция документальных материалов из личных архивов чиновников МИД»⁹ содержит материалы, имеющие отношение и к дипломатам-востоковедам, в частности, А.П. Бутеневу, Т.М. Влангали, М.А. Гамазову, А.И. Любимову¹⁰ и др.

Фонд «Санкт-Петербургский Главный Архив» представляет собой архив текущих дел. Туда поступала по истечении трех лет текущая дипломатическая переписка. Сюда, в частности, должны были сдавать документы отдельные подразделения МИД. Здесь хранятся среди прочего и документы, относящиеся к созданию Азиатского департамента.

Фонд «Внутренние коллежские дела» содержит материалы о коллегии иностранных дел за 1790–1832 гг., отдельные фонды российских представительств в разных странах Востока. Со временем обычные служебные документы – донесения послов и консулов, переписка с министерством и правительством – приобрели ценность исторических источников, представляя большой научный ин-

терес. Документы содержат личные дела состава посольств и консульств, рапорты, запросы, циркуляры и распоряжения правительства, сведения о командировках, отчеты и т.д. и т.п. Здесь отложились, в частности, и документы, касающиеся деятельности дипломатов, оставивших след в науке. Назовем, в качестве примеров, фонды: «Посольство в Константинополе», «Консульство в Бомбее», «Генеральное консульство в Бомбее», «Консульство в Калькутте» и др.

В Архиве востоковедов Санкт-Петербургского филиала ИВ РАН очень интересен личный фонд В.А. Жуковского (ф. 17). Здесь собраны рукописи ученого, письма В.А. Жуковского к востоковедам, а также письма к нему. Представляют интерес разнообразные документы, связанные с деятельностью Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте, заведующим которого В.А. Жуковский был долгое время. Среди них – обстоятельный «Очерк истории Учебного отделения восточных языков и постановка практики востоковедения на Западе» (оп. 1, д. 183), составленный В.А. Жуковским; описания и списки восточных рукописей из собрания Учебного отделения; подробные черновики проекта реформы Отделения и относящийся к этой реформе «Журнал заседания подкомиссии» от 31 августа 1907 г. (оп. 1, д. 191) и многие другие материалы этого крупного востоковеда.

Личный фонд в этом же архиве другого заведующего Учебным отделением – Ф.П. Аделунга (ф. 1) содержит его переписку с некоторыми известными учеными первой половины XIX в. (среди них, например, Б.А. Дорн, И.А. Гулянов, А.Н. Оленин, Сильвестр де Саси, Х.Д. Френ, Ф.-Б. Шармуа и др.); выписки и извлечения, выполненные Ф.П. Аделунгом из различных сочинений по востоковедению. Кроме того, документы, относящиеся к Учебному отделению – переписка с К.В. Несельерде, программы занятий в Отделении и программы экзаменов, расписание занятий, отчеты для Азиатского департамента и т.п.

В Архиве Российской академии наук в Санкт-Петербурге также есть личный фонд Ф.П. Аделунга (ф. 89). Кроме того, для нашей темы интерес представляют, в частности, фонды других крупных востоковедов первой половины XIX в. – академиков Б.А. Дорна (ф. 776), Г.-Ю. Клапрота (ф. 783) и Х.Д. Френа (ф. 778). В них содержится переписка ученых с другими отечественными и европейскими вос-

токоведами, в том числе и причастными к деятельности внешнеполитического ведомства: М.А. Гамазовым, П.И. Демезоном, А.Д. Жаба, Е.П. Ковалевским, С.С. Уваровым, Н.В. Ханьковым и др.

В Российском государственном военно-историческом архиве представляют интерес документы, относящиеся к возникновению и деятельности Офицерских курсов при Учебном отделении восточных языков Азиатского департамента¹¹, хотя многие из них повторяют соответствующие документы в фонде «Учебное отделение восточных языков» АВПРИ.

В Государственном архиве Оренбургской области в фонде «Канцелярия оренбургского военного губернатора» (ф. 6) собрана переписка с центральными учреждениями в Санкт-Петербурге, в частности, с Военным министерством и Министерством иностранных дел; официальные рапорты и другие донесения. В фонде находятся документы, относящиеся к организованным оренбургским начальством военным и дипломатическим экспедициям (И.Ф. Бламбергера, К.Ф. Бутенева, Я.В. Виткевича, Н.Я. Данилевского, П.И. Демезона, А.Ф. Негри, С.Т. Циолковского, Н.Э. Эверсмана и др.), инструкции МИД, сообщения о выкупе российских пленных в соседних странах, сведения об английских разведчиках в Бухаре и Хиве, формулярные списки чиновников. Все эти материалы являются не только хорошими источниками по истории взаимоотношений с соседними государствами Средней Азии, источниками персоналий ученых, дипломатов, военных, но также и источниками по истории востоковедения, так как часто свидетельствуют о развитии и взаимном обогащении практического и научного востоковедения.

В фонде «Генс Г.Ф.» (ф. 166) представляют интерес рукописи («тетради», «портфели») председателя Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генса – сделанные им выписки из различных архивных документов и книг, касающиеся истории и взаимоотношений с соседними государствами, также сделанные им записи при расспросах путешественников, военных и купцов, побывавших в странах Центральной Азии.

В фонде «Оренбургская пограничная комиссия. 1799–1858 гг.» (ф. 222) содержатся формулярные списки сотрудников Комиссии; дела о взаимоотношениях с соседними народами, карты и планы, записки очевидцев тех или иных событий.

К важным опубликованным источникам относится многотомное «Полное собрание законов Российской империи», которое состоит из трех частей. Первая часть содержит указы, изданные с 1649 г. по 1825 г., до начала правления Николая I – всего 45 томов; вторая включает указы, изданные в царствование Николая I и Александра II – 55 томов; третья – периодов правления Александра III и, частично, Николая II (последний, 33-й том, вышел в 1913 г., а затем издание не было продолжено из-за начавшейся Первой мировой войны). Тома первой части вышли в Санкт-Петербурге в 1830 г., тома второй и третьей выходили по мере издания законов. Все указы нумеровались и помещались в хронологическом порядке. Данное издание до сих пор остается наиболее полной публикацией законодательных актов, хотя ряд важных законов в него не вошел.

Примечания

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 154 («Азиатский департамент»). Оп. 710/1.

² Там же. Оп. 710/2. Д. 34, 41, 43, 59, 95, 140, 210, 271.

³ Там же. Ф. 153 («Учебное отделение восточных языков»). Оп. 688.

⁴ История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990; История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997.

⁵ АВПРИ. Ф. 152 («Библиотека Азиатского департамента»). Оп. 505. 202 единицы хранения.

⁶ Там же. Ф. 369.

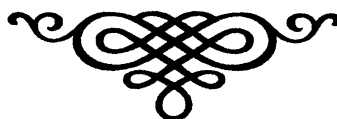
⁷ Там же. Ф. 159.

⁸ Там же. Ф. 1.

⁹ Там же. Ф. 340.

¹⁰ Там же. Оп. 800; оп. 801; оп. 865; оп. 798.

¹¹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 67, оп. 1, д. 103; ф. 401, оп. 4, д. 48.

И.В. Зайцев (ИВ РАН)

ТРОИЦКИЙ ИНЦИДЕНТ 1802 г.

Эпизод из деятельности бухарской миссии в России

В Государственном архиве Российской Федерации (ф. 1053 «Н.Ф. Романченко», оп. 1, ед. хр. 118) сохранился документ под заголовком: «Бухарский посланник Мирза Мугамед Юсуф Байкишев. 1802».

Русский текст, озаглавленный «Перевод с татарского», переписан уверенной рукой, крупным профессиональным канцелярским почерком узкой полосой (оставляя широкие поля) на листах 2, 2 об., 5. Татарский (л. 3, 4) – размашистым таликом с наклоном вправо. Особенностью текста нужно признать постановку трех точек над *вав*, в случае ее чтения как *в*, не всегда четкое разделение *вав* и *фа* (*вав* иногда, как *фа*, соединяется с последующей буквой). На полях пометка на русском – «16 февраля 1804 г.». Перевод вполне адекватный, но некоторые детали выпущены, например имя караван-баши – Абд-ал-Вали оглу (عبد الولی اوغلی).

В конце русского текста другой рукой подписано: «Перевел актуариус Ахметгирей Хальфин». Возможно, Ахмед-Гирей Хальфин – представитель славного татарского рода Хальфиных. Родоначальником его был Сагит Хасанович Хальфин (1732–1785); в истории российской тюркологии хорошо известны его сын Исхак (? – ок. 1800), внук Ибрагим, правнук Шагин-Гирей (Шаги-Ахмет) (1807–?)¹. Возможно, переводчиком публикуемого документа был брат Исхака или его сын (брат Ибрагима).

Слова татарского текста, заслуживающие внимания, внесены мною в текст русского перевода в квадратных скобках.

[л. 2] «Прошло 1802-го года в сентябре месяце меньшей Киргиз-Кайсакской орды [ياغول باي] Ягулбайского рода [فرغيز قازاقلار] около 300 человек разбойников [اوروغی] [طالانچی], в 20-ти верстах не доезжая до Троицкой крепости [توریسکی قلعه]², напали на следовавший из Бухарии в Россию купеческий караван, состоявший в 300 верблюдах; караван сей тотчас послал от себя в ту крепость человека, уведомить о том Коменданта оной Генерала Майора Виндлера [يانارال مايور فيندلر] и просить о защите [ياردم]³, который и приказал находящемуся под начальством его Плац-

Майору Капитану // [л. 2 об.] Старошникову [يولاص مايور کبتون اسطاروشنيکو], чтоб немедленно шел⁶ с военными для защищения от помянутых разбойников, когда караван ими не был вовсе разграблен, что увидя, злодеи тотчас оставили ограбленное имение и отошли прочь. Военные сии, избавя оный караван от тех разбойников, довели его благополучно до крепости, также привели с ним вместе и пойманных ими тогда из помянутых грабителей шесть человек киргизцов, которых бухарские купцы взяли к себе, // [л. 5] а как по приезде в крепость бухарский караван-баши [کروان باشی] обо всем случившемся кому следует объявил подробно и таким образом оный караван освобожден, то находящиеся при оном люди были весьма ради (так в документе. – И. З.) и крайне⁷ довольны.

О чем я Бухарский посланник Корчи баши [کورچی باشی]⁸, всемилостивейше пожалованный в 7-й класс Мирза Мугамед Юсуф Байкишев [میرزا محمد یوسف بایکیشوف], узнав от помянутых купцов, и что точно так все оное происходило, в том свидетельствую».

В сводном труде С.В. Жуковского об отношениях Средней Азии с Россией с начала XVII по начало XX в.⁹ имя Мухаммеда Юсуфа Байкишева не упоминается, однако эта фамилия встречается в труде Г.А. Михалевой¹⁰. В 1795 г. по приказу мангытского эмира Шах-Мурада (1785–1800) некий Ишмухаммед Байкишев привез в дар императрице Екатерине II... слона. Подарок сопровождался просьбой эмира продать Бухаре 600 пудов меди для литья пушек. После смерти императрицы Байкишев продолжил переговоры с Павлом I, и эта просьба была удовлетворена: посланник кроме меди повез на родину подарок эмиру от императора – сундук со столовым и чайным серебром, а сам получил в подарок также сундук с чайным серебряным сервизом. Как это нередко случалось в дипломатической практике, Байкишев совмещал дипломатические обязанности с торговой деятельностью в Оренбурге, за что даже был представлен оренбургским губернатором Г.С. Волконским к награде.

В 1801 г. он вновь был направлен в Оренбург новым эмиром Бухары Хайдаром

(1800–1826) с просьбой допустить к императорскому двору бухарских посланников. Байкишев привез в дар от эмира Александру I 5 аргамаков и письмо с поздравлениями по поводу восшествия на престол. Хайдар просил разрешения бухарским подданным совершать хадж через Россию, а также ряд льгот для бухарских купцов. Эти просьбы были удовлетворены, и вместе с ответной грамотой эмиру были направлены подарки – золотые часы с драгоценными камнями и два куска парчи.

Имя бухарского дипломата оказалось упомянуто и в другом официальном документе – первом российском указе о паломничестве в Мекку, данном от имени Александра I оренбургскому военному губернатору (1798–1803) генерал-майору Н.И. Бахметеву 23 марта 1803 г. – «О пропуске Бухарцов, находящихся в России, в Мекку для поклонения». Текст его дошел до нас в составе Полного собрания законов Российской империи и недавно был дважды переиздан с комментариями.

«Снисходя на прошение, поданное Мне от Бухарского Посланника Диван Бега Иш Мугамеда Байкишева, о Бухарцах, находящихся в некоторых городах России, кои, желая ехать в Мекку на поклонение по их закону, не могут иметь от тамошних начальств надлежащего к тому позволения, повелеваю как в Оренбурге, так и отовсюду пропускать их по сей законной надобности, но, давая им паспорта, наблюдать осторожности и брать надежных порук, чтоб в таковой отлучке буде случаться какие-либо на них по векселям иски или по судам требования, могли за них ответствовать. О чем именно по вверенной вам губернии и предписать, кому следует, для исполнения»¹¹.

Этот указ свидетельствует о том, что миссия Байкишева успешно добралась до Санкт-Петербурга, а в числе первых дипломатических шагов посланника было прошение о разрешении бухарцам, находящимся в России, совершать хадж. Интересно также и то, что в тексте именного указа посланник назван титулом *диван-беги*, тогда как в собственном его письменном свидетельстве его титул *корчибаши*. Несколько отличается и написание лич-

ного имени: в указе Байкишев назван Иш-Мухаммедом.

Публикуемый документ интересен не только как лишнее свидетельство беспокойной обстановки на юго-восточном рубеже России в начале XIX в., живо рисующий суровые будни пограничной крепости. Благодаря ему мы узнаем и детали непосредственной деятельности представителя одной из бухарских миссий в Россию, а также получаем некоторые данные о размерах русско-бухарской торговли того времени (рядовой, по всей видимости, купеческий караван состоял из 300 верблюдов).

Примечания

¹ О них см.: Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. 2-е изд., переработанное, подготовил А.Н. Кононов. М., 1989, с. 241–243.

² Далее в тексте встречаются оба определения отдельно друг от друга.

³ По-казахски – джагулбай, по-русски – джегалбайлинцы (ср.: Записки И.В. Виткевича // Записки о Бухарском ханстве. М., 1983, с. 85).

⁴ Или *ترويسكى*. Город (с 1784 г.) в нынешней Челябинской области был заложен в 1743 г. первым губернатором края И.И. Неплюевым как крепость в день Святой Троицы и назван Троицком (Троицкой крепостью) в честь этого христианского праздника. Расположен в лесостепной зоне на юге области на современной границе России с Казахстаном. Издавна считался одним из мусульманских центров России (в нем находилось большое количество мечетей и медресе).

⁵ Собственно, о «помощи».

⁶ Последнее слово вписано над строкой под знаком вставки.

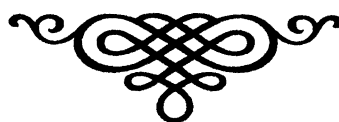
⁷ Последнее слово вписано над строкой.

⁸ Начальник корпуса или гвардии (дословно – глава оруженосцев).

⁹ Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915.

¹⁰ Михалева Г.А. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Ташкент, 1982, с. 68–69.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое, 1802–1803. СПб., 1830. Т. 27, с. 509 (№ 20681); Арапов Д.Ю. Первый российский указ о паломничестве в Мекку // Россия в средние века и новое время. М., 1999; Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика. М., 2001, с. 61–62.

В.И. Шерemet (ИВ РАН)

СИНОП – 1853. НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Данная статья продолжает публикации автора в «Восточном архиве» по истории Восточного кризиса 1853–1856 гг. и содержит ряд ранее неизвестных материалов из российских архивов.

* * *

Через полтора столетия после Синопского сражения и сравнительного изучения массы разнообразной документации стало возможным больше доверять некоему источнику наших сведений о внешней стороне деятельности английского и французского послов в Стамбуле в 1853–1856 годах.

Речь идет о А. Пеццаре, подданном двух-трех стран, включая Австрию, который после отъезда в мае 1853 г. чрезвычайного посольства А.С. Меншикова из османской столицы формально представлял там интересы российских торговых компаний, но не только. А. Пеццар, как абсолютно доверенный представитель нескольких торговых компаний на Западе, и в Турции имел широкий круг контактов. Он регулярно снабжал русские военные власти деликатной информацией от лиц, близких к посольствам Англии и Франции, к военному и финансовому ведомствам Турции.

Именно А. Пеццар первым обратил внимание А.С. Меншикова на то, что английский посол в Турции Стрэтфорд де Редклиф вскоре после введения англо-французского флота в Босфор зачистил в Синоп. В июле–августе 1853 г. таких поездок, достоверно известных А. Пеццару, состоялось три. О целях визитов посла великой державы в захолустный порт А. Пеццар, который догадок вообще не строил, не сообщал. Однако всякий раз упоминал о «гласных желаниях» членов османского Дивана и везиров использовать пароходы союзников для переброски турецких войск и снаряжения в Батум и далее, в район возможных боевых действий горцев Шамиля.

В России знали, что три османских пароходо-фрегата все лето и до середины октября 1853 г. перевозили в Батум тяжелые орудия, другое снаряжение, но пока будущие противники – Россия и Турция – в море непосредственно не соприкасались¹. Информация

А. Пеццара настороженности, кажется, не вызвала. Черноморский флот вел плановые операции.

В сентябре – начале октября 1853 г. эскадра под командованием П.С. Нахимова доставила на восточный берег Черного моря 13-ю пехотную дивизию для пополнения Отдельного Кавказского корпуса. 11 (23) октября 1853 г. эскадра в составе линейных кораблей «Чесма», «Иегудиил», «Храбрый», «Императрица Мария», фрегата «Кагул» и брига «Язон» вышла из Севастополя в направлении восточной части Черноморского побережья. Вскоре к ним присоединились пароходо-фрегат «Бессарабия» и два парусных фрегата «Кулевча» и «Коварна», до того наблюдавшие перевозки турецких войск и снаряжения из зоны Босфора к портам Анатолии.

Инструкции П.С. Нахимову были такие: «наблюдать, но не нападать». Николай I еще сохранял иллюзии по поводу возможности «устранить турок грозным видом русской силы» (А.С. Меншиков). Были приняты во внимание несколько предупреждающих, недвусмысленных заявлений держав о необходимости для русского флота держаться подальше от турецких берегов. Таковые в жесткой форме были сделаны русскому послу в Лондоне в начале осени 1853 г.

В избытке миролюбивости Николая I не упрекнешь. Осторожности тоже было мало, но ситуацию на Кавказе он считал крайне тревожной, а позиции турок, в том числе и на Черном море – то есть их флот и береговые укрепления, – находил очень сильными². Требовалась дополнительная информация с возможного места событий.

В военно-морской исторической литературе последние полсотни лет (Зверев Б.И. – 1954 г., Питерский Н.А. – 1954 г., Тарле Е.В. – 1950 г.; Скрицкий Н.В. – 2003, 2006 гг. и др.) повторяется одно мнение. Сам факт появления эскадры Нахимова вблизи территориальных османских вод якобы заставил турок прекратить доставку войск и грузов в Восточную Анатолию и на Западный Кавказ, турки пребывали в ожидании ухода парусного флота России на его зимние базы³.

Все было несколько сложнее. Действительно, приостановив переброску войск, о чем было сообщено в стамбульской прессе, османское морское военное ведомство продемонстрировало желание идти путем взаимных уступок России, поскольку «мирная партия» в Диване еще надеялась найти способы решения разразившегося конфликта. Многих в Стамбуле, кроме того, раздражала избыточная воинственность «старого друга османов» – лорда де Редклифа. Среди них были такие весомые фигуры, как сераскир Лютфи-паша и министр финансов Савфет-паша, руководители внешнеполитического ведомства Рифаат-паша и Абдулхак-эфенди, глава Службы старших адъютантов и личных курьеров султана Эдхем-паша. Последний по негласному приказу султана поддерживал контакты с А.С. Меншиковым вплоть до самого отъезда русского посла из Стамбула и (дозировано, разумеется) сообщал Меншикову о давлении французского и английского послов на Диван и военное ведомство. Упоминалось и об особом интересе англичан к восточным берегам Черного моря⁴. Этот «интерес» основывался на обстоятельстве, известном английскому послу и до поры неизвестном Меншикову и русским властям в Севастополе: все запланированные на лето – осень 1853 г. перевозки грузов для Анатолийской армии были уже завершены, причем в благоприятное для навигации время⁵.

В крейсерстве нахимовских героев в зимнем штормовом море не было ничего героического. Экипажи равнялись на невозмутимого Павла Степановича и делали свою работу. Высшее русское военно-политическое руководство ходило галсами без определенного курса, не решив «стрелять – не стрелять», а П.С. Нахимову оставалось выжидать.

18 (30) октября 1853 г. В.А. Корнилов в Севастополе получил строгий приказ Николая I «оставаться в состоянии оборонительном». Однако еще 12 (24) октября 1853 г. А.С. Меншикову и тому же В.А. Корнилову как начальнику штаба Черноморского флота из Петербурга было сообщено: турки обстреляли русскую Дунайскую флотилию, и, следовательно, русско-турецкая война началась. В.А. Корнилов 18 (30) октября отправил с парусным фрегатом П.С. Нахимову приказ: топить или задерживать османские военные корабли. Вдогонку фрегату послали два парусника, а затем и пароходо-фрегат «Одесса» с новой установкой: *ответить на первый провоцирующий выстрел с турецких кораблей*⁶.

Выдержанный по характеру, за долгую службу разных приказов получивший несметное количество, П.С. Нахимов крейсировал в зимнем море вполне уверенно и даже несколько «флегматически» (как съязвил А.С. Меншиков). Он блестяще использовал свои знания ветров и нештатных ситуаций вблизи турецких берегов, приобретенные им еще в годы Кавказской войны⁷. Иное дело – два других персонажа событий.

Необузданный, взрывоопасного темперамента, «всесильный баловень судьбы, царя любимец, враг придворным», светлейший князь А.С. Меншиков не состоялся как умиротворитель Востока и спаситель святогробских святынь от фанатизма мусульман и прозелитизма католического клира в Палестине. Миссия его в Стамбул весной 1853 г. оказалась крайне неудачной. Чины, лавры и почести, награды – это Меншикова не интересовало в принципе, но чужие успехи туманили мысли⁸.

Еще один наш герой, тоже из любимцев Николая I, деятельный, честолюбивый, флотоводец от Бога, но умевший и на паркете свой маневр явить, вице-адмирал В.А. Корнилов рвался к войне – к защите интересов Отечества и к личной славе. А.С. Меншиков, возглавивший по приказу Николая I и флот, и армию на Юге России, возложил на моряков, следовательно, в первую очередь на Корнилова и Нахимова, общую задачу: найти и атаковать турецкий флот, то есть начать войну на море. Надлежало захватывать и приводить в Севастополь турецкие корабли с военными грузами и войсками на борту⁹.

Известно, что В.А. Корнилов жаждал победы, триумфа над турками в море масштабов Наваринского сражения 1827 г. Он знал, бывая в Турции, состояние турецкого флота и верил *в свою личную звезду*¹⁰. Первый его рейд вдоль берегов Болгарии не дал соприкосновения с противником ввиду крайне плохой видимости. Разминувшись вследствие неизбежных в море случайностей. Прекрасный стратег и тактик действий на море, Корнилов умел добывать и использовать агентурную информацию из портов и баз противника. Удивительно, но А.С. Меншиков данными от А. Пеццара из Стамбула с Корниловым, по-видимому, не делился, и адмирал пребывал в заблуждении о сильном турецком флоте близ болгарских берегов. В этом была своя логика – на побережье была нацелена первая высадка англо-французских союзников Турции.

Знаток всего черноморского побережья, П.С. Нахимов не разделял мнения В.А. Корнилова о возможном боевом соприкосновении с турками у болгарских берегов. Его взгляд был прикован к анатолийскому побережью, именно к Синопу. Синопская бухта на южном, турецком, берегу Черного моря природой была идеально прикрыта от штормов. И без разведки было известно, что она десятки лет служила как мирным целям, так и военным: через Синоп шли поставки оружия и снаряжения для горских племен Западного Кавказа.

К середине ноября 1853 г. в Синопской бухте, где были в то время лучшие в причерноморской Турции условия для ремонта кораблей, собрались три четверти турецкого парусного флота. В.А. Корнилов, напомним, командовавший всем Черноморским флотом, и П.С. Нахимов, «строго наблюдавший», т. е. блокировавший *своей* эскадрой выходы турок к Кавказскому побережью России, просчитали два варианта событий. Турецкий флот мог обрушиться на слабые укрепления России на западном побережье Кавказа; но мог в один переход оказаться и в виду Феодосийской, вообще не защищенной, бухты. Кавказская война с горцами Шамиля грозила перерасти в «Большую кавказскую» – с очень серьезными противниками.

Еще более реальной представлялась опасность выхода в Черное море находившихся на рейдах на Босфоре и в Мраморном море английско-французских быстроходных и хорошо вооруженных пароходо-фрегатов. Они могли блокировать русскую Дунайскую армию с моря и нанести удар по Севастополю и Одессе. В этом никто ни в Петербурге, ни на Черноморском флоте не сомневался. Грозила уже «Большая европейская война».

Оставалось одно – нанести упреждающий удар. П.С. Нахимов провел операцию блестяще. По некоторым поздним воспоминаниям ветеранов-черноморцев, именно Павел Степанович предложил «старому азовцу», а в 1853 г. своему командиру В.А. Корнилову внезапным, как в Наварине, ударом разрушить все планы и турок, и их западных советников. Стремительному в маневрах, быстро и точно оценивавшему ситуацию Корнилову план показался вполне реальным. Тем более, что удачей кораблей В.А. Корнилова было пленение 5 (17) ноября турецкого парового военного корабля «Перваз Бахри», который был по обычаю морской войны доставлен в порт победителя. Севастополь встретил «первого ту-

рецкого пленного», причем вооруженный пароходо-фрегат, с энтузиазмом, а Корнилова – как героя. Однако после приказов по нахимовской эскадре и после захвата 4 (16) ноября 1853 г. нахимовской «Бессарабией» турецкого грузового парохода «Меджари тиджарет» стало ясно, что и без взаимодействия с корниловской эскадрой П.С. Нахимов *готов принять на себя главную роль в событиях на море*.

Взятые Нахимовым в плен турки – мирные торговцы, не лукавя и не очень запираясь, сообщили Нахимову, что в Синопе стоят три фрегата, два корвета и тяжелый транспорт, укравшийся от штормов и считавший себя в безопасности под защитой мощной береговой артиллерии. Все – парусники. Приблизившись к синопской бухте, моряки Нахимова узрели семь фрегатов, два корвета, шлюп и два современных военных парохода¹¹.

Турецкие пароходо-фрегаты до появления в Синопе (не позже 11 ноября 1853 г.) уже имели огневое соприкосновение с русским парусным фрегатом «Флора» близ мыса Пицунда. Турки оценили прицельность его бортовых пушек и блестящее умение русского экипажа поймать ветер в невыгодных для себя обстоятельствах. Опытный мореход с классической восточной и европейской выучкой, Мустафа-бей, командовавший делом при Пицунде, все это сообщил местным, то есть синопским, военным и морским властям. Таким образом, ни приближение Нахимова, ни серьезность намерений хорошо вооруженного и (турки прекрасно это знали) блестяще обученного русского противника на парусных, но грозных огневой мощью кораблей для турок неожиданностью не были¹².

Осман-паша, старший по званию, возрасту и должности на синопской эскадре, несколько преувеличивая силы русских, успел до боя доложить в Стамбул о маневрировании противника в виду синопского берега, близ мыса Амастро. Османский адмирал полагал возможной атаку русских брандеров на его парусники и для себя перспективу видел самую печальную – разгром¹³.

Положение П.С. Нахимова как командира, уже получившего приказ высшего командования, оставалось не вполне определенным. С одной стороны, нахимовскую эскадру усилили три 120-пушечных линейных корабля «Великий князь Константин», «Три святителя», «Париж» и два меньших, но чрезвычайно маневренных «Кулевча» и «Кагул». Но 12 (24) ноября 1853 г. Павел Степанович полу-

чил через А.С. Меншикова высочайшее повеление истребить османский флот *в открытом море*, перерезать сношение Стамбула с Батумом. Приморские турецкие города *не трогать*. Более того, *щадить Синоп*, во избежание повода для вмешательства со стороны англо-французской эскадры. А.С. Меншиков подтвердил приказ Николая I и добавил от себя, что надлежит уничтожить османскую эскадру и идти к восточным берегам Черного моря для «внушения должных чувств повстанцам Шамиля»¹⁴.

Руки адмирала Нахимова были связаны, впрочем не слишком туго. Выпутываться царь и командующий предоставили самому Нахимову. Но кого же они боялись больше – горцев или союзников, английскую и французскую эскадры?

П.С. Нахимов располагал к 17 (29) ноября шестью линейными кораблями и двумя фрегатами с суммарной мощностью до 312 орудий в 5 627 кг против 262 стволов турецкой артиллерии мощностью в 2 706 кг бортового залпа. Бомбические, т. е. стрелявшие разрывными снарядами, пушки (44 ствола) многократно превосходили числом и огневой мощностью всего 5 бомбических пушек эскадры Осман-паши. Семь турецких парусных фрегатов постройки 1820-х годов, три корвета – тоже времен султана Махмуда II, два ветхих парусника – транспорты, помнившие войну с Россией 1828–1829 гг., и три парусных торговых судна без оружия. Два вполне современных, но слабо вооруженных (скорость была важнее оружия) парохода английской постройки 1840-х годов использовались главным образом для посыльной и курьерской связи Стамбула с восточноевропейскими территориями.

Реала-бей, или вице-адмирал Осман-паша, и его флагман Хюсейн-бей – оба были в годах, под шестьдесят, но физически крепкими людьми. Опытнейшие мореходы – у каждого за плечами по 35–40 лет морских походов и сражений. Они были участниками наваринского разгрома турецко-египетского флота в 1827 г. Оба давно отвыкли бояться сражений, но и выходить в море, чтобы дать бой русским, не собирались. Тем более, что приказы капудан-паши из Стамбула были таковы: в бой с русскими не вступать, выжидать под прикрытием береговых батарей. Им было известно, возможно, лично от посещавшего Синоп Стрэтфорда де Редклифа, что Англия предупредила Петербург об ответственности за любую атаку на черноморские порты Османской

империи. Более всего они, впрочем, полагались на береговую артиллерию: 44 орудия, хотя и устаревшего типа, но идеально пристрелянных по верхним палубам кораблей, пожелевавших бы ворваться на рейд Синопа.

Все турецкие корабли были поставлены в бухте так, чтобы как можно скорее выйти в открытое море, но не входить в соприкосновение с русской эскадрой, крейсирующей, как полагали турки, в 12–15 милях от Синопа¹⁵.

Экипажи османских кораблей состояли преимущественно из греков, подданных Турции, и наемников, набранных со всех средиземноморских земель, которые имели единственное желание – отсидеться в бухте и, упаси Господь, не воевать с русскими моряками. Крепостная артиллерийская прислуга, в отличие от экипажей кораблей, состояла из хорошо обученных старослужащих, почти на 100 процентов из числа стамбульских турок. Вот они-то горели желанием «показать урусам». Собственно, так и получилось бы...

Стремительность прорыва и непредсказуемость маневра – вот единственное, что позволило нахимовской эскадре выполнить поставленные задачи.

Еще 3 (15) ноября 1853 г. П.С. Нахимов обратился к своей эскадре: «Турецкий флот вышел в море с намерением занять принадлежащий нам порт Сухум-Кале, и... для отыскания неприятельского флота отправлен из Севастополя с 6-ю кораблями генерал-адъютант Корнилов. Неприятель не иначе может исполнить свое намерение, как пройдя мимо нас или дав нам сражение. В первом случае я надеюсь на бдительный надзор гг. командиров и офицеров, во втором – с Божиею помощью и уверенностью в своих офицерах и командах я надеюсь с честью принять сражение. Не распространяясь в наставлениях, я выскажу свою мысль, что в морском деле близкое расстояние от неприятеля и взаимная помощь друг другу есть лучшая тактика. Получив повеление начать военные действия против военных турецких судов, я считаю нужным предупредить командиров судов вверенного мне отряда, что в случае встречи с неприятелем, превышающим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверенным, что каждый из нас сделает свое дело»¹⁶.

Утром 17 (29) ноября 1853 г., находясь в 10,5 милях от Синопской бухты, с борта флагмана «Императрица Мария» Нахимов направил командирам кораблей диспозицию и приказ. Последний гласил: «Располагая при пер-

вом удобном случае атаковать неприятеля, стоящего в Синопе в числе 7 фрегатов, 2 корветов, 1 шлюпа, 2 пароходов и 2 транспортов, я составил диспозицию для атаки их и прошу командиров стать по оной на якорь и иметь в виду следующее...». Далее шли четкие указания с учетом вариантов развития боя. В заключение П.С. Нахимов подчеркнул, что, *«завязав дело с неприятельскими судами, стараясь по возможности не вредить консульским домам, на которых будут подняты национальные их флаги»* (курсив мой. – В.Ш.).

«Я выскажу свою мысль, – заключал Нахимов, – что все предварительные наставления при переменившихся обстоятельствах могут затруднить командира, знающего свое дело, и потому я предоставляю каждому совершенно независимо действовать по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг. Государь император и Россия ожидают славных подвигов от Черноморского флота. От нас зависит оправдать ожидания»¹⁷.

Подробности построения нахимовской эскадры, прекрасно выполненного двумя колоннами при густом тумане и моросящем дожде, хорошо известны по литературе.

Подчеркнем принципиальные, характеризующие собственно начавшуюся русско-турецкую войну на море, особенности и общие военно-политические последствия Синопа для России и Турции.

Приказы, полученные Нахимовым, давали ему возможность уйти от очень опасной атаки на Синоп. Павел Степанович принял мужественное решение воистину полководческого уровня – идти в бухту. Нахимов мыслил новаторски и предельно смело, уверенный и в себе, и в своих морях.

Равные по боевому опыту Нахимову, получившие, на современном языке, переподготовку в Англии, где они наблюдали за выполнением военных заказов для своих эскадр, Осман-паша и Хюсейн-бей, как и Нахимов, получали не очень четкие приказы. Таковые исходили из двух центров – от сидевшего в Стамбуле капудан-паши и от британского посла и британского же морского советника А. Слейда, он же Мушавер-паша.

Османские командиры предпочли не рисковать. Нахимов рисковал и победил.

Эскадра П.С. Нахимова почти бесшумно на скорости 2,5 узла прошла через смертельную для кораблей зону обстрела мощных крепостных пушек и после полуночи начала становиться на якорь для работы всей бортовой

артиллерией. Турки, конечно же, узрели «молчаливый кошмар русских кораблей» (Осман-паша). Но крепостная турецкая артиллерия в этот критический момент подчинялась не Осман-паше, а коменданту (мухачызу). Отчаянные сигналы с авангардного, заметившего неприятеля «Певек-Бахри»: «Русские на выстреле» – либо были проигнорированы, либо, что мне кажется более убедительным, совпали со временем священного намаза. В ходе строгого моления турецкие топчу (артиллеристы) просто отключились от внешнего мира. Такой довод прозвучал в одном из донесений А. Пеццара, сообщившего о разборке дела у сераскера.

Ближе к часу дня на «Императрицу Марию» и на «Великого князя Константина», шедших головными, обрушился шквал ядер и книппелей, которые вывели из строя основную часть такелажа русских кораблей. Турки, *произведя залпы первыми*, били по рангоуту. Нахимовцы работали бомбами и картечью, конечно же, и ядрами, но целили на поражение *живой силы турок* на палубах и на максимальные повреждения корпусов, дабы лишить турецкие корабли возможности маневрировать.

Турецкая выучка была иной. Она опиралась на столетия пиратских действий, когда важно было остановить вожденное судно-приз и, сбив паруса, не повредить корпус, а значит, и трюмы. Экипажи, по возможности в здоровом состоянии, продать в рабство на рынках Каира, Стамбула, Измира...¹⁸

Для русских канониров важно было нанести первые прицельные поражения корпуса корабля противника, чтобы локализовать на якоре стоящий корабль и, если повезет, поразить крьюйт-камеру. Главное – успеть нанести противнику предельно возможный урон до наступления «среди бела дня» почти непроглядной мглы от порохового дыма, когда в условиях безветрия прицельная стрельба была бы невозможной. Похвальная усердность орудийной прислуги, изо всех сил стремившейся увеличить темп огня, применение с первых выстрелов разрывных бомб (снарядов) и большое число их перелетов в глубь побережья (до 1 км) вызвали множество пожаров среди деревянных, крытых соломой и щепой строений, густо разбросанных по берегам бухты.

Боевой удачей «Великого князя Константина» было выведение из боя фрегатов «Ауни-Аллах», «Фазлы-Аллах», «Певек-Бахри». Через час шквального огня уже четыре турецких

корабля пылали на мели, либо их отнесло, как фрегат «Несим-и Зафер», к молу у греческого предместья Синопа. Там пожары с обездвиженных кораблей перекинулись на береговые постройки, все по преимуществу из дерева. Город и пригород пылали от залпов русских пушек и гибнущих турецких кораблей¹⁹.

Тем временем линейный корабль «Париж» под командованием будущего героя Севастополя В.И. Истомина плотным огнем своих бомбических орудий (до 70 бомб) подавил сильную береговую батарею, затем фактически сжег еще один фрегат и корвет турок. Надо признать вслед за очевидцами, что «в этом адском огне» (В.И. Истомин) турки сражались отчаянно и стояли до конца. Османский фрегат «Дамиятта», уже полусгоревший и выброшенный на берег, погиб вместе со всем экипажем, но ранее нанес непоправимые повреждения и «Парижу», и «Трем святителям».

Славу турецкого флота 18 (30) ноября составил бой пароходно-фрегата «Таиф» (два 10-дюймовых орудия, четыре 36-фунтовых, шестнадцать 24-фунтовых орудия) против двух русских парусных фрегатов «Кагул» и «Кулевча» и пароходно-фрегата «Одесса». «Таиф», которым командовал А. Слейд, а в экипаже были турки, отменно маневрировал под убийственным огнем русских фрегатов и удачно отбивался от них. В дуэли с «Одессой» и подоспевшими пароходами «Крым» и «Херсонес» турецкие топчулар (артиллеристы) показали себя с очень выгодной стороны, а мотористы-турки и палубная команда, тоже из турок, сделали все, чтобы уйти в сторону Трабзона. Под покровом тумана «Таиф» затем ушел к Босфору²⁰.

Ближе к 16 час. 00 мин. 18 (30) ноября обстановка для турецких кораблей, крепостных батарей и всего города приобрела характер катастрофы. Девять кораблей стояли на мели и горели, взрывы боеприпасов на двух фрегатах, стоявших вблизи турецкой части города, вызвали новые волны пожаров в низменной части Синопа. Жители этих кварталов спешно покидали город, опасаясь и своих сограждан-греков, и русского десанта, и более всего того огненного шквала, который сметал без разбора жилища и греков, и турок.

Отдадим дань уважения турецким экипажам сгоревших кораблей. Никто не сдался, не спустил флага (кроме «Несим-и Зафер» – «Ветра Победы»). Крепостные пушки стреляли по нахимовцам до последнего, видимо, своего живого канонира. Нахимовского офицера-

парламентера родом из ионических греков, вызвавшего по-гречески и по-турецки к жителям на улицах охваченного паникой города (какое мужество молоденького мичмана!): «Не стреляйте в русских с берега, остановите крепостных топчулар, русские не тронут города», – никто, кроме сотни обгоревших, полуживых матросов с «Несим-и Зафер», не услышал. По приказу Нахимова русские моряки начали спасать экипажи горевших турецких судов, переправлять на берег раненных еще в ходе боя.

Был спасен и помещен в адмиральскую каюту Осман-паша, полумертвый от ран и ожогов, но не покинувший ходового мостика своего корабля. Его флагман Хюсейн-бей, по одним данным, был отправлен самим Осман-пашой в Стамбул с вестью о гибели османской эскадры; по другой версии – бежал. Как автор я склоняюсь к первой версии, учитывая личности Осман-паши и его флагмана и османские традиции. На моей стороне и версия «источника» А. Пеццара при августейшем Диване, где выслушали очевидцев с «Таифа» и самого Хюсейн-бея и даже наградили его и А. Слейда.

Турецкие потери были велики – все десять парусных военных кораблей, один пароходно-фрегат, шесть торговых (точнее, торгово-транспортных) судов. Невозвратные потери турок достигали трех-четырёх тысяч человек. В плен попали Осман-паша, три капитана, 180 нижних чинов. Окруженные заботой, лечением и обустроенные на русских кораблях с «добающим уважением», они благополучно дождались конца войны в Крыму.

Полностью был уничтожен орудийный парк крепости Синопа (180 пушек) – этой важнейшей опорной базы османского государства в Центральной и Восточной Анатолии. Русская эскадра потеряла 38 человек убитыми, 210 моряков были ранены²¹.

К исходу дня 18 (30) ноября 1853 г. дело при Синопе было кончено.

Через пять дней, изрешеченные ядрами и шрапнелью, почти без такелажа, русские корабли прибыли на буксирах пароходов в родной Севастополь. Ожидаемая «полная виктория» свершилась. Османский парусный флот на Черном море прекратил свою историю, начавшуюся еще в XV веке.

Примечательно одно письмо, практически забытое историками и в России, и в Турции, где Синоп воспринимается до сих пор как национальная трагедия мирного населения.

Уходя от мест, на века слившихся с его именем – именем героя последнего в мировой истории сражения парусных динозавров, П.С. Нахимов направил консулу Австрийской империи, пережившему вместе с русским вице-консулом в городе весь кошмар сражения, фактически приватное собственноручное письмо. В нем говорилось, что столь «решительные против неприятеля вооруженного и пагубные для мирного населения меры», как атака на Синопскую бухту, были продиктованы необходимостью пресечь подвоз войск и снаряжения, используемых турками для «возбуждения» мятежных подданных России на Кавказе. Нахимов ясно давал понять, что выполняет ту же самую миссию, которой годами служил своим крейсерством вдоль охваченных восстанием Шамиля западных районов русского Причерноморья.

Детально, впрочем, очевидцы и сами это наблюдали. П.С. Нахимов показал в письме, что город сгорел от взрывов на собственных, т. е. турецких, кораблях. Звучит трагично, без пафоса, без упоения заслуженной победой нахимовская фраза: «Я покидаю этот порт и обращаюсь к Вам, как к представителю дружественной нации, рассчитывая на Ваши услуги, чтобы объяснить городским властям, что императорская эскадра не имела никакого враждебного намерения ни против города, ни против порта Синоп»²².

Как база турецкого Черноморского флота и вооруженная база англо-французской эскадры, предельно выдвинутая в направлении главного удара союзников на Севастополь, Синопская бухта не была использована союзниками в Крымской кампании; на тридцать с лишним лет она вообще была выведена из строя. Обстоятельство немаловажное, если учесть жестокие ограничительные статьи Парижского мира, нацеленные союзниками на невозрождение Черноморского флота России. «Синоп-город, – писал В.А. Корнилов, – теперь развалина, ибо дело происходило под его стенами и турки с судами бросались на берег и зажгли их. Битва славная, выше Чесмы и Наварина... Ура! Нахимов!»²³.

* * *

Искушенные десятилетиями войн, переговоров, перемирий, интриг всех уровней, А.С. Меншиков и М.С. Воронцов были не слишком близкими друзьями, но по кругу общения – высшее звено военно-административной элиты России – и по уровню ответственности

они в своей переписке отличались откровенностью и доверительной открытостью.

Оба высоко оценили дело при Синопе, героизм и мужество моряков, торжествовали победу. Однако оба понимали, что Синоп – только начало серьезных испытаний для России. М.С. Воронцов, наместник Юга и Кавказа, опираясь на свои собственные источники в прибрежных турецких городах, включая торговцев и авантюристов, предупреждал А.С. Меншикова как командующего войсками в Крыму, что Синоп отнюдь не снял перспективу переброски новых турецких контингентов в ходе навигации 1854 г. в район Потти и Редут-кале. Тонкий знаток Востока, М.С. Воронцов предупреждал, что еще не известно, как поведут себя весной–летом 1854 г. персы, расценившие события осени 1853 г. как ослабление и связанность рук России; они, считал Воронцов, могут воспользоваться ситуацией и вторгнуться в Закавказье.

А.С. Меншиков, опираясь на регулярно получаемые агентурные и прочие данные из Стамбула, был уверен, что Синоп не только не остановит, но и подтолкнет Англию и Францию к вводу своих эскадр в Черное море. Общая нервность А.С. Меншикова проявлялась в избытке пессимизма, когда он прогнозировал скорую высадку десанта союзников в Батуме и на черноморское побережье Грузии²⁴.

Реакция послов союзных держав в Стамбуле – Бараге д'Илье, который прибыл 3 (15) ноября и уже через три дня провел первую беседу у султана о военном союзе Франции и Турции, и Стрэтфорда де Редклифа – была иной, без суеты. Прежде всего они направили в Синоп два посыльных парохода из состава своих эскадр, каждый под флагом своей державы, но, естественно, с разрывом в три-четыре дня для «приискания объяснений суммы обстоятельств, имевших быть 30 ноября в Синопской бухте». Так выразился еще один дошлый «источник» Меншикова Александр Игнатьевич Швенднер, формально – чиновник из торгового представительства Российской империи в Стамбуле. Опираясь на свои прямые наблюдения, он доложил князю, что Синоп скорее разобил послов, чем сблизил их; он также отметил, что «англичане меланхолично обдумывают итоги Синопа», тогда как французы «предаются ликованиям». По предложению Стрэтфорда де Редклифа Высшая Порта запретила вообще «разговоры на темы политические, включая Синоп, на база-

рах, в кофейнях, чайханах и пр.», чему турки «предавались с упоением»²⁵.

Не совсем ясно, зачем А.И. Швенднер избирал некую легкую словесную игривость в своих донесениях А.С. Меншикову. Думаю, что хотел попасть в язвительную тональность светлейшего. «Пароходный агент» А. Пеццар, на которого безоглядно опирались дипломаты на Ближнем Востоке К.М. Базили и А.П. Озеров, а также легенда внешней разведки России XIX века, не веривший собственной тени П.А. Чихачёв рисовали другую картину, нежели настроенные на меншиковскую волну источники.

Послания Пеццара шли через Галац и попадали к адресату через 1–2 недели. Во-первых, он отметил, что разгром флота при Синопе почти деморализовал османское руководство. Иллюзорные надежды на некое урегулирование, на «приискание выгодных решений без войны с Россией, но с помощью держав» рассыпались без остатка. Факт пребывания русской эскадры в виду Синопа стал известен в Стамбуле 5 (17) ноября, но даже интереса не вызвал, так как считалось, что русские, как всегда, блокируют Шамилю. О синопском бое в столице узнали уже к вечеру дня боя, то есть 18 (30) ноября. Капудан-паша, по данным А. Пеццара, тотчас же приказал послать к Синопу шесть стоявших на Босфоре хорошо вооруженных пароходо-фрегатов. Шквальный северный ветер помешал им даже выйти из Босфора. Другие «источники» и турецкие авторы подтверждают, что небывалый по силе ветер 30 ноября – 2 декабря 1853 г. выбрасывал суда на берег.

В резерве Порты находилась еще одна, кроме пароходо-фрегатов, сила. В Мраморном море с 10-х чисел августа 1853 г. стояла мощная египетская эскадра, посланная хедивом Египта в помощь своему сюзерену султану Абдул Меджиду. Два 84-пушечных парусных линейных корабля и четыре 60-пушечных пароходо-фрегата были полностью укомплектованы экипажами, снабжены боеприпасами и рвались в бой. Я не очень верю, что ими двигало желание отомстить русским за гибель всего египетского флота и турецкого вместе с ним в Наваринском сражении 1827 г., но «просеиватель слухов и гранильщик истины» А. Пеццар подобные разговоры лично слышал в стамбульских кофейнях, записал и доложил о них А.С. Меншикову²⁶.

Первая паническая реакция в Стамбуле на синопские события улеглась за 3–4 дня. Энер-

гию и твердость проявил обычно вялый в делах Абдул Меджид. По его приказу командующий флотом, или капудан-паша, и несколько высших чинов были отправлены в отставку. Правда, без обычных репрессий, обвинений и вообще без огласки, что, по словам А. Пеццара, в европейских салонах Стамбула восприняли как пожелание идти на окончательный разрыв с русскими. Одновременно султан приказал активизировать переговоры с англо-французскими военными и дипломатами в Турции и с австрийскими дипломатическими и морскими представителями.

Переговоры с Бараге д'Илье и Стрэтфордом де Редклифом на разных уровнях шли и до Синопа. Тогда прорабатывались условия военного союза и военных займов, оживленно дискутировалось британское предложение привлечь христианских подданных султана в армию. Дело при Синопе послужило скорее катализатором для переговоров, чем новой темой, по крайней мере для турецкой стороны. 4 (16) декабря 1853 г. на экстренное заседание собрался Высший совет по реформам, полный состав которого собирался крайне редко. Ожидаемого нами, пристрастными наблюдателями через полтора столетия, как, естественно, и современниками разбора причин крупнейшей после Наварина (1827 г.) военноморской катастрофы не состоялось. Собрав сведения из различных источников, дотошный А. Пеццар выяснил следующее. Совет ограничился констатацией гибели старых парусников, затем подтвердил султанский ферман от 23 ноября 1853 г. (по нов. стилю) о свободном пропуске русских торговых судов из Средиземного моря в Черное на период вплоть до 23 февраля 1854 г.

Кроме очевидной демонстрации позитивных намерений в отношении России, в этом отнюдь не редкостном факте торговли между Россией и Турцией во времена войн и противостояний сказывалась нехватка и дороговизна продуктов в Стамбуле, обычно поступающих из России. Были подтверждены полномочия высших чинов османского МИД на случай неожиданных переговоров о мире с Россией. Прежде всего Фуад-паши, который в это время перемещался вместе со ставкой Румелийской армии в районе Дуная, а также Мехмед-паши, пребывавшего в Эрзеруме, в ставке Анатолийской армии. «Многие в Стамбуле говорят, – сообщал А. Пеццар, – о необходимости большого мирного конгресса где-то в нейтральном европейском городе»²⁷.

В Совет по реформам был приглашен «дамад» – зять еще отца царствующего султана, старый воин и участник мирных переговоров с Россией 1830–1834 гг., посетивший Петербург в 1830 г., всеми уважаемый, величавый и выдержанный, как суфий, Халиль-паша. Он вообще решительно высказался в пользу мира с Россией и готов был снова, как двадцать лет назад, ехать в полюбившийся ему Петербург²⁸.

Выведа проблему Синопа за рамки совещания, Совет обсудил очередное, поступившее на следующий день после Синопа, то есть 1 декабря 1853 г. (по нов. ст.) предложение Австрийского Ллойда открыть регулярные грузопассажирские рейсы Стамбул – Трабзон и Стамбул – Одесса. Причем безотлагательно. Подискутировали, кажется, оживленно и вокруг получения займа в Австрии. Надо пояснить, что в потенциальную сделку с венскими банкирами были вовлечены интересы крупнейших армянских денежных воротил Стамбула. Поддержанные в османском финансовом ведомстве австрийские и связанные с ними армянские банкиры летом и осенью 1853 г. были готовы предоставить Порте 12-процентный заем в 30 млн. курушей под гарантии податей с Египта, напрямую поступавших в казну османского султана. А. Пеццар подчеркивал, что австро-армянская идея о венском займе вкупе с готовностью Австрийского Ллойда «содействовать прогрессу и просвещению и коммерции в Причерноморье находит понимание и поддержку среди многих финансистов и торговцев из числа природных турок». Вообще же, как писал А. Пеццар 10 (22) декабря 1853 г., в Константинополе ощущается большая нехватка звонкой монеты, в ходу только бумажные деньги (ассигнации военного времени), которые идут по 23 процента от номинала²⁹.

Подробности дискуссии по австрийским инициативам в точности не известны, но решение Совета было жестким. Австрийскому Ллойд отказать, от займа в Вене воздерживаться. Заметим, что решение отказать Вене было обусловлено нежеланием Совета связывать себя новыми обязательствами и разъяснено в стамбульском официозе «Журналь де Константинополь». Причины кроются, видимо, в том, что более интересными Совету показались дополнительные предложения британского посла совместить гораздо более весомый военный заем в Лондоне с поставками английского оружия «для перевооружаемой и

реформируемой турецкой армии». Причем высшие армейские должности и чины могли бы получить христианские подданные султана. Первым сигналом для этого должно было стать полное уравнивание в правах христиан и мусульман. Во всяком случае, так ставил вопрос Стрэтфорд де Редклиф в эти послесинопские месяцы³⁰.

Разные варианты идей Редклифа и Пальмерстона, как покрепче увязать турок, звучали на заседаниях Порты и Дивана не раз. Это отдельная тема нашего исследования. Здесь важно подчеркнуть, что Синоп фактически подтолкнул обсуждение и решение кардинальных вопросов внутренней и внешней политики Турции. Окончательного решения по идеям Редклифа Высший совет 4 (16) декабря 1853 г. не принял. И не в последнюю очередь потому, что Стамбул «кипел».

Город переполняли возбужденные софты – фанатичные великовозрастные учащиеся исламских медресе, их «коллеги» через полтора года в Афганистане назовутся талибами. Софты прибывали отовсюду – из Анатолии и из Европейской Турции, вплоть до Крита, все в воинственном настроении. В эти первые послесинопские дни недовольство нерешительностью султана и правительства, кроме софтов, высказывала столичная мусульманская верхушка. Правда, шейх уль-ислам предпочел отмолчаться, как впрочем, и анатолийский воинский кади. Если уж воевать, требовали софты и улемы, то пусть западные державы помогают, а пока следует «разобраться» с греками, союзниками русских³¹.

Это были «идейные мотивы», но в постсинопской Турции стремление искать врага среди греков, как это бывало в войнах XVIII – начала XIX в., ощущалось гораздо серьезнее. Диван и Совет, не говоря о султанах Абдул Меджиде, понимали, что Греция 1853–1854 годов – это самостоятельное и защищаемое Англией, вообще Западными державами, государство. Война с ней или военный союз Греции с Россией в защиту греков, как в 1825–1830 годах, стали бы угрозой всем балканским христианским владениям Порты.

Оставалось уповать на Англию, Францию и Египет, как в 1821–1827 годах при подавлении греческой революции.

Во всяком случае, так говорилось на упомянутом Совете, и кое-кто высказывался в том смысле, что египетской эскадре действительно незачем гоняться за русским флотом – Синоп уже приключился, а египтянам лучше

уж остаться на Босфоре. На всякий случай, за спиной у франкских доброжелателей, готовых турецкими руками воевать с Россией³².

Примечания

¹ П.С. Нахимов. Документы и материалы // Материалы по истории русского морского флота. М., 1954. С. 252–253.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1018, оп. 10, д. 32, л. 32–34. Николай I – Паскевичу, 21 сентября (3 октября) и 28 октября (9 ноября) 1853 г.

³ *Зверев Б.И.* Синопская победа. Симферополь, 1954; *Путерский Н.А.* Адмирал Нахимов – организатор славной победы при Синопе // Адмирал Нахимов. Статьи и очерки. М., 1954; *Тарле Е.В.* Крымская война. Т. 1. Изд. 2-е. М.–Л., 1950; *Скрицкий Н.В.* Крымская война. 1853–1856 годы. М., 2006. С. 42–46.

⁴ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 19, оп. 3, д. 14, л. 3–22; письма Аргиропуло А.С. Меншикову из Стамбула, апрель–май 1853 г.; там же. Ф. 19, оп. 2, д. 31, л. 121, 130. А.С. Меншиков – М.С. Воронцову 8 (20) октября и 22 ноября (3 декабря), по сообщениям А. Пеццара из Стамбула.

⁵ *Slade A. (Mushaver-pasha).* Turkey and Crimean war: a Narrative of Historical Events. L., 1869, p. 131–136.

⁶ Вице-адмирал В.А. Корнилов // Материалы по истории русского флота. Под ред. Новикова Н.В. и Софинова Н.Г. М., 1947. С. 198–200, 206; П.С. Нахимов. Документы и материалы. С. 256, 260.

⁷ *Шеремет В.И.* П.С. Нахимов. Труды войны // *Basileus*. Сб. статей, посвященный 60-летию Д.Д. Васильева. М., 2007. С. 313–316.

⁸ *Шеремет В.И.* Непобежденные. К 150-летию окончания Крымской (Восточной) войны. М., 2006. Ч. 1. С. 58–60.

⁹ *Жандр А.* Материалы для обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859. С. 78–79; П.С. Нахимов. Документы и материалы. С. 256–257, 263.

¹⁰ П.С. Нахимов. Документы и материалы. С. 260–261.

¹¹ Там же. С. 271–272, 355–356; *Зайончковский А.М.* Синопское сражение. Черноморский флот 1853 года // Военный сборник. 1903. № 11. С. 1–97.

¹² *Slade A.* Op. cit. P. 139–140.

¹³ По трофейным турецким документам. См.: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 67.

¹⁴ П.С. Нахимов. Документы и материалы. С. 274–275, 295.

¹⁵ *Slade A.* Op. cit. P. 136, 140–142; *Шестаков Н.А.* Обзор действий на Черном море от приготовления к настоящей войне до Синопского сражения включительно // Морской сборник. 1855. № 2. С. 207–238.

¹⁶ П.С. Нахимов. Документы и материалы. С. 269.

¹⁷ Там же. С. 276–278.

¹⁸ *Шеремет В.И., Зеленина Л.В.* Императрица в парандже. М., 2002 (серия «Османские хроники, или Записки о любви и смерти». Т. 1). Гл. «Пираты».

¹⁹ *Дубровин Н.Ф.* Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник. СПб., 1871. С. 13, 178; П.С. Нахимов. Документы и материалы. С. 280, 322–323.

²⁰ П.С. Нахимов. Документы и материалы. С. 128, 305, 314, 325; *Slade A.* Op. cit. P. 142.

²¹ П.С. Нахимов. Документы и материалы. С. 357, 360; *Дубровин Н.Ф.* Указ соч. С. 16.

²² П.С. Нахимов. Документы и материалы. С. 313.

²³ Цит. по: *Шеремет В.И.* П.С. Нахимов. Труды войны. С. 320.

²⁴ РГА ВМФ. Ф. 19, оп. 2, д. 51, л. 156–171, 195–198. Переписка М.С. Воронцова с А.С. Меншиковым. Ноябрь 1853 г. – январь 1854 г.

²⁵ Там же. Ф. 19, оп. 4, д. 324, л. 28–29, 36–37. А.И. Швенднер – А.С. Меншикову. Серия донесений. Декабрь 1853 г.

²⁶ Там же. Л. 40, 135–135 об., 144 об. А. Пеццар – А.И. Швенднеру 2 (14) декабря и 6 (18) декабря 1853 г. (для А.С. Меншикова); А.И. Швенднер – А.С. Меншикову. Серия донесений 1853 г.

²⁷ Там же. Л. 145. А.И. Швенднер – А.С. Меншикову. Серия донесений. Декабрь 1853 г.

²⁸ *Шеремет В.И.* Турция и Адрианопольский мир 1829 г.: Из истории Восточного вопроса. М., 1975. С. 157–166.

²⁹ РГА ВМФ. Ф. 19, оп. 4, д. 324, л. 135–146. А. Пеццар – А.И. Швенднеру. Декабрь 1853 – январь 1854 г.

³⁰ Там же. Л. 161–166. А. Пеццар – А.И. Швенднеру (для А.С. Меншикова). Декабрь 1853 – январь 1854 г.

³¹ Там же. Л. 162–163. А. Пеццар – А.И. Швенднеру. Декабрь 1853 – январь 1854 г.

³² Там же. Л. 164–165. А. Пеццар – А.И. Швенднеру. Декабрь 1853 – январь 1854 г.

Н.Н. Лисицына (МГГУ им. М.А. Шолохова)

АФГАНСКИЙ ЭМИР АБДУРРАХМАН-ХАН И АНГЛО-РУССКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

Англо-русские отношения конца XIX – начала XX в. – классический пример устойчивого и затяжного соперничества. Территории Среднего Востока стали ареной политических противоречий между империями, начиная с 30-х годов XIX в. Однако наибольшую остроту англо-русское соперничество приобрело в конце 1870-х годов. После окончания русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) и начала работы Берлинского конгресса Россия явственно поняла, что плодами ее победы на Балканах воспользовались европейские державы, и в первую очередь Австро-Венгрия, Франция и Великобритания. Политическая конкуренция в Европе и на Балканах была слишком сильна, чтобы пореформенная Россия могла на равных соперничать с развитыми промышленными державами. Наиболее перспективное направление, оставшееся для возможного геополитического движения и возмещения «морального ущерба», где Россия встретила единственного серьезного противника Великобритании, – юго-восточное, преимущественно центрально- или среднеазиатское. Именно лежащие за Каспием туркменские оазисы, Гератская долина, территория Восточного Туркестана и северо-западного Афганистана были той полосой земли, которая высвечивала накал европейской политики и, в частности, англо-русского противостояния.

Среднеазиатская политика русского правительства вызывала наибольшую обеспокоенность Англии и администрации Британской Индии. Демонстративный поход к границам Афганистана и политическая миссия генерала Н.Г. Столетова (Кабул, 1878 г.) гораздо сильнее беспокоили англо-индийские власти, чем действия России на Балканах по объединению Болгарии¹, поскольку самая дорогая «жемчужина» британской короны была в большей опасности со стороны Афганистана, нежели со стороны Балканского полуострова.

Цель упомянутой российской военно-политической акции – продемонстрировать возможности среднеазиатского региона как средства воздействия в направлении выгодного для России решения ближневосточного вопроса, а также «для предупреждения возмож-

ных замыслов английского правительства относительно нас в Средней Азии и для угрозы собственным его интересам в Ост-Индии»². На особом совещании, которое состоялось по этому вопросу, было предложено несколько вариантов решения поставленных задач.

Автор первого из них, действительный тайный советник барон Н.Е. Торнау, предложил после заключения соглашения с Персией по Астрабадской провинции озаботиться проблемой прохода русских войск на Герат, где возможно основание передовой базы будущего крупномасштабного наступления на Индию.

Второй вариант предполагал исключительно демонстративные меры в отношении англо-индийских владений. Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман полагал, что для того, чтобы угрожать интересам Англии в Азии, вполне достаточно выдвинуть два самостоятельных отряда: один (Туркестанский отряд) – к Бухарским владениям, ближе к городу Ширабад; другой из числа войск Кавказского военного округа – к Мерву. Поскольку успех этого мероприятия зависел бы от реакции Афганистана, то генерал-губернатор считал уместным отправить политическое посольство к афганскому эмиру.

Третий вариант, план оренбургского генерал-губернатора генерал-адъютанта Н.А. Крыжановского, предусматривал решительное движение войск, численностью до 150 тыс. чел., по главному пути, ведущему в Индию – от Астрабада к Герату. Именно так, по мнению автора замысла, можно заставить английское правительство изменить свой образ действий в отношении Российской империи на Востоке в целом.

Основными причинами, по которым были отклонены первый и третий варианты, явились недостаток финансовых средств и необходимость «иметь в готовности для других, еще более настоятельных потребностей, обусловленных настоящим политическим положением дел в Европе»³, готовую европейскую армию.

Утвержденный на заседании особого совещания план туркестанского генерал-губерна-

тора предусматривал выполнение нескольких целей и задач. Движение обоих отрядов в пределах Бухарского эмирата и туркменских земель предполагало осуществление приоритетной задачи – демонстрацию угрозы английским интересам в Британской Индии⁴. Однако прибытие в пункт назначения не предусматривало решения каких-либо конкретных военных или политических задач. Только после определения взаимоотношений российского и афганского государств, т. е. после получения известий о результатах политической миссии, мог быть выработан дальнейший образ действий в Средней Азии.

Миссия генерала Н.Г. Столетова при решении многих геостратегических и политических задач главной имела «поддержание в эмире недоверия к действиям англичан и поощрение к дальнейшему сопротивлению их попыткам утвердиться в Афганистане»⁵. При этом, как следовало из инструкций, данных туркестанским генерал-губернатором фон Кауфманом генералу Столетову, последний должен был показать разницу между английскими и русскими целями и методами управления присоединенными территориями; убедить афганского эмира стать другом и союзником России.

Появление известий об усилении русских войск на среднеазиатском направлении и принятии афганским эмиром миссии генерала Столетова в Кабуле взволновало британских политиков и общественное мнение империи. Несколько угасшие было русофобские настроения разгорелись в Лондоне с новой силой. Россию обвиняли в нарушении соглашений по среднеазиатской проблеме, достигнутых еще в 1872–1873 годах⁶.

Однако сам факт того, что Россия, как считали англичане, в обход вышеназванных соглашений отправила дипломатическую миссию в зависимое от них полудикое государство, говорил о четко выраженных геополитических интересах России в центральноазиатском направлении.

Вектор афганской политики Российской империи весьма четко обозначился на всей протяженности коммуникационной линии Кавказ – Каспийское море – Туркестан. Поэтому совершенно очевидно, что миссия генерала Н.Г. Столетова носила не только вспомогательный характер «индийскому походу» русских отрядов.

Летом 1878 г. британское правительство потребовало, чтобы эмир Шер Али-хан при-

нял в Кабуле аналогичную английскую миссию. Однако после отказа эмира под предлогом невозможности обеспечения безопасности представителей королевской англо-индийской администрации правительство обвинило Афганистан в оскорблении императрицы Индии в лице ее личного представителя лорда Н. Чемберлена. Вторая англо-афганская война (1878–1880), начавшаяся «как следствие» политической миссии и «индийского похода» российских военных, совершенно четко обозначила претензии индо-британского правительства на геополитическое господство в регионе.

Афганистан был обречен находиться в политической орбите великих колониальных империй и стать «яблоком раздора» между «Британским Львом» и «Российским Медведем».

Вторая англо-афганская война закончилась признанием англичанами нового эмира Афганистана – Абдурахман-хана. Будущий афганский эмир, несколько лет проживавший в Русском Туркестане в качестве опального и опасного претендента на афганский престол, был фактически пенсионером российского правительства. «Самаркандское сидение» позволило Абдурахман-хану узнать и оценить желания и подлинные возможности русского правительства в отношении азиатских земель, а также проанализировать перспективы своего управления афганским государством, возможности военных набегов и контроля над торговыми путями, а в политике – лавирования между интересами Российской и Британской империй на Среднем Востоке.

Реальность первых месяцев правления выявила невозможность придерживаться намеченного курса, однако эта неудача ничуть не расстроила Абдурахман-хана. За обещание принять английское покровительство и придерживаться проанглийской позиции в вопросе англо-русских отношений на Среднем Востоке эмир получал ежегодную денежную субсидию (от 10 до 15 тыс. рупий), а также помощь в обучении и перевооружении афганской армии, в том числе и более современным оружием, поставляемым из России на выгодных условиях.

В своем добровольном изгнании Абдурахман-хан весьма близко сошелся с русским офицером Александром Черневским. Многочасовые беседы и прогулки сделали их друзьями. Будущему афганскому эмиру нравились не только человеческие качества его русского друга, но и его профессионализм в работе. Аб-

дуррахман-хан не раз предлагал Черневскому, когда придет время, вместе с ним уехать в Афганистан. Однако последний вынужден был отказаться, поскольку появление русского советника или служащего при новом эмире англичане однозначно расценили бы как невыполнение достигнутых договоренностей, что могло спровоцировать возобновление боевых действий против истощенного афганского государства. Последствия же этих военных действий могли быть непредсказуемыми.

Однако еще очень долго в своих письмах через доверенное лицо эмир предлагал А. Черневскому перебраться в афганскую столицу. Переписка между ними продолжалась вплоть до 1884 г. Связующим звеном был друг и соратник Абдурахман-хана, впоследствии ставший правителем Бадахшана, – Абдулла-джан. Все письма из России первоначально попадали к нему и далее передавались уже в руки правителя Афганистана.

Эмир никогда не забывал годы, проведенные в Российской империи. Все те, кто знал эмира по Самарканду, всегда находили в его кабульской резиденции покой и отдохновение после дальней дороги. Один из них и передал слова Абдурахман-хана: «Русский хороший народ; Бог дал мне успех, они причиною этому успеху, и я им благодарен!»⁷. Смысл подобных слов, прозвучавших из уст главы государства, вполне однозначен.

Лояльность и симпатии к русским нового афганского правителя остро ощущались англичанами. Призывы последних объявить русским «джихад» под предлогом защиты попираемых «неверными» основ ислама разбивались о сетования по поводу отсутствия денег, вооружения и «надлежащего по сему случаю фанатизма афганского народа». Причиной отсутствия последнего эмир видел в политике русских в Туркестане по отношению к мусульманскому населению, которая была весьма тактичной. Для простых афганцев решительное завоевание Геок-Тепе и великодушное прощение всех воевавших против Белого Царя было лишним аргументом в пользу признания сильного и справедливого северного соседа, что немаловажно для менталитета восточных народов.

Однако в данную концепцию не вполне укладывается присоединение афганцами до этого времени независимых территорий Бадахшана, Вахана, Рушана и Шугнана, но вполне возможно, что это случилось с молчаливого согласия русских. Логика здесь весьма про-

ста – если сейчас этого не сделают афганцы, то через несколько лет это могут сделать англичане. При условии крайне ограниченного доступа английским военным в эти районы афганского государства, такое соседство будет не обременительным, а возможным, и временным, поскольку некоторые российские политики и военные имели далеко идущие планы относительно территорий Восточного Туркестана⁸.

Безусловно, подобные предположения нуждаются в неоднократной проверке по многим архивным источникам, но порой именно такие неподтвержденные выводы заставляют нас искать все новые и новые архивные данные.

И они были найдены в фондах Архива внешней политики Российской империи, сняв давно мучивший нас вопрос. Императорское правительство, несмотря на соглашения 1872–1873 гг., носившие, по сути, декларативный характер, вошло в дипломатические сношения с афганским эмиром в 1878 г. Но по каким-то причинам оно не пошло на этот шаг в самый напряженный момент англо-русского соперничества в 1885 г. – накануне Пендинского кризиса, которого, по-видимому, ожидало.

Это недоумение подтолкнуло нас к дальнейшим изысканиям. В итоге была обнаружена переписка министра иностранных дел Н.К. Гирса и туркестанского генерал-губернатора фон Розенбаха с приложенными заверенными делопроизводителями копиями писем к афганскому эмиру Абдурахман-хану, датированных февралем 1885 г.

Оценивая роль афганского государства в англо-русском соперничестве и возможном конфликте, российский МИД одобрил и внес некоторые поправки в первоначальный проект письма к эмиру, подготовленный по инициативе фон Розенбаха.

Именно теперь туркестанский генерал-губернатор и внешнеполитическое ведомство Российской империи вспомнили о давнем друге и confidente Абдурахман-хана, который в 1885 г. был уже заведующим строительным отделением канцелярии начальника Зеравшанского округа, подполковнике Александре Черневском.

В письме к афганскому владельцу были разъяснены позиции русского правительства относительно сложившейся к началу февраля 1885 г. ситуации в туркмено-афганском регионе. Подчеркивалось, что в целях поддержания добрососедских отношений между Российской империей и Афганистаном, сохранения мира в регионе и проведения удобной для обо-